

Андрей Буторин

ЧЕРВОТОЧИНА

Андрей Русланович Буторин

Червоточина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4977291
Андрей Буторин. Червоточина: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-077360-2

Аннотация

Что, если мы и наша реальность – лишь программа, написанная для дипломного проекта нерадивым Студентом откуда-то с Той стороны? И что, если все мы просто исчезнем, если враг студента преуспеет в попытке сорвать защиту диплома?

Конец света может начаться очень и очень просто, причем в любой момент – вирус уже запущен в программу.

Ничего не изменить?

Но неожиданно в Большую игру Студента и его Соперника вмешиваются – каждый по-своему – трое обычных людей из маленького провинциального городка: парни Нича и Виктор и рыжая красавица Соня...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	7
1	7
2	14
3	21
4	27
5	30
6	36
7	42
8	49
Часть вторая	54
1	54
2	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Андрей Буторин

Червоточина

*Сначала было слово печали и тоски,
Рождалась в муках творчества планета.
Рвались от суши в никуда огромные куски
И островами становились где-то.*

* * *

*Но вспять безумцев не поворотить —
Они уже согласны заплатить
Любой ценой — и жизнью бы рискнули,
Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
Волшебную невидимую нить,
Которую меж ними протянули.*

В.С. Высоцкий

Пролог

Что ни говорите, но у маленьких городов куда больше уникальности, нежели у гигантов. Оказавшись в спальном районе любого из мегаполисов, как вы отличите Москву от Питера или Самару от Нижнего Новгорода? В маленьком же городе с любого места видно что-нибудь примечательное, присущее только ему, будь то лысые вершины сопок, бельмастые ретрансляторы гордо выпятившейся телевышки, золоченые купола церкви на холме или дымящие трубы единственной на область Фабрики. Одинаковы в таких городах лишь серые неказистые пятиэтажки, презрительно называемые в народе «хрущобами». Но и они ведь кому-то дом родной. Подчас вполне неплохой и в общем-то даже уютный. Особенно когда ты молод, не обременен семьей, особых претензий к жилью не имеешь и полностью согласен с утверждением, что жить с родителями хорошо, но отдельно — все-таки лучше.

Во всяком случае, сейчас Нича думал именно так, хотя два года назад, когда мама настояла на его отселении, он еще сомневался. С родителями было удобно: еда приготовлена, посуда вымыта, белье постирано, одежда почищена и починена... Это что касается быта. Ну и вообще — с папой-мамой не скучно. Особенно с папой, человеком в принципе общительным и веселым.

Но мама сказала: «Хватит! Тебе уже двадцать шесть. А мне... тем более! И нам с папой хочется увидеть внуков. И не только увидеть, но иметь еще силы, чтобы с ними поныть».

Логику маминых слов Нича понял, не дурак. А поскольку на сей раз даже отец в разговор не вмешался, сообразил, что и ему спорить бесполезно: между родителями этот вопрос уже решен.

* * *

Зато сейчас тем, что он третий год живет в отдельной, пусть и маленькой, «однушке», Нича даже гордился. Ведь он купил ее на собственные деньги, гордо отказавшись от родительской помощи. Отчасти он это сделал тогда из-за кольнувшей самолюбие обиды: ах, вы так, родной сын вам мешает, ну и ладно, без вас обойдусь!.. Нича понимал, что это глупость, позерство, детство в одном месте играет, но в глубине души он тогда на родителей все же обиделся.

Детская эта обида давно прошла, отношений он с папой-мамой не испортил, но, самое смешное, родительские надежды, связанные с его «отселением», до сих пор не осуществились. Собственной семьи Нича так и не завел. Откровенно говоря, не особо-то и старался. Тем более что по натуре он был человеком застенчивым, и знакомство с девушками имело для него определенные трудности. Особенно если это касалось «того самого» знакомства, на которое так рассчитывала его мама. А пока получалось, что если он с кем-то и знакомился, то дольше недели-другой такая связь не длилась – Ниче становилось неуютно в собственной квартире, его начинало раздражать, что он в ней словно теперь и не хозяин; в итоге его раздражение вырывалось-таки наружу. А поскольку притворяться он не любил, то высказывался предельно откровенно и ясно, после чего только полная дура могла бы продолжать на что-то надеяться. Но дур Ниче не нужно было и подавно – он их органически не переносил, и даже те, о ком говорят «прелесть, что за дурочка!», вызывали в нем отторжение буквально на физическом уровне.

Мама по-прежнему доставала его насчет внуков, но делала это, скорее, по привычке. Она теперь, бывало, жалела, что настояла на его отселении. Порой говорила: будь она рядом, убила бы его остаться с той беленькой Олей. Или Валеи?.. Да и темненькая Маша была в принципе ничего...

Вчера вообще получилось глупо. Нелепая вышла ссора. Совершенно на ровном месте!

* * *

Нича бывал у родителей часто, не реже двух-трех раз в неделю. Причем делал это не по обязанности, не из-за какого-то там «чувства сыновнего долга». Ему на самом деле этого хотелось; приятно было посидеть с родителями за кухонным столом, обговорить житейские новости и посудачить ни о чем. А потом, пока мама моет посуду, послушать в комнате отца его любимый хард-рок, любовь к которому Нича перенял лишь отчасти, безоговорочно уважая музыку отцовских кумиров – «Deer Purple» – и относясь к прочим группам достаточно равнодушно. Хоть он и не признавался в этом отцу, тот прекрасно все понимал и «угощал» Ничу преимущественно «темно-пурпурными» композициями, аккуратно и очень дозированно разбавляя их еще чем-нибудь «тяжеленьким».

Вчера же до музыки дело так и не дошло. Не дошло оно даже до кухни.

Дверь открыла мама, и Нича в очередной раз отметил, какой же она стала худенькой, а оттого, что с каждым годом все сильнее сутулилась, – совсем маленькой, едва доставая ему короткой осветленной челкой до груди.

Она быстро обняла его и отстранилась, освобождая место в тесной прихожей.

– Привет, коротышка! – выглянул из комнаты отец. Он был младше мамы на три года, но, говоря откровенно, казалось, что и на все десять. В первую очередь потому, что вообще был в свои пятьдесят восемь в достаточно хорошей форме, несмотря на вполне уже заметный животик. Впрочем, рост за метр восемьдесят несколько сглаживал этот досадный для любого мужчины «довесок». А еще его молодила прическа – длинный, собранный под резинку, темный с проседью «хвост».

Нича не любил, когда отец называл его коротышкой. Еще с тех пор, когда формально он таковым и являлся. А уж тем более сейчас, когда он перерос отнюдь не низенького отца сантиметров на пять.

Но обидеться он не успел, за него вступилась мама:

– Да какой же он коротышка, Гена? Он уже выше тебя!

– И сильнее. И старше! – хохотнул отец.

– Не смешно, – покачала головой мама. – Но лет ему на самом деле много. Даже очень.

– Это да, – вздохнул отец. – Можно сказать, уже предел. Почти финиш. Сколько там ему? Восемьдесят два?.. Или двадцать восемь? Цифры помню, а последовательность забыл...

– Не ерничай, Гена! Ему скоро будет тридцать! Но вам, мужикам, все равно. Вы и в семьдесят можете детей наделать. А мне уже шестьдесят один, и если наш сынуля в ближайшие два года не соберется сделать меня бабушкой, то у твоих внуков бабушки не будет вообще!

– Ну, во-первых, – поскреб в затылке отец, – каким образом ты столь точно вычислила срок своего... гм-м... исхода?.. А во-вторых, будет ведь еще одна бабушка. Наверное.

– Ах вот как?.. Ты этого и ждешь? Надеешься, что она... будет моложе?..

Мама громко всхлипнула и ринулась в комнату, громко хлопнув за собой дверью.

– М-да... – снова почесал в затылке отец. – Вот ведь дура-баба!.. Совсем шутики перестала понимать. Хард-рок натуральный...

– Да ты тоже хорош, – буркнул молчавший до сих пор Нича. – И вообще... Ничо так! Эти ваши разговоры о внуках меня вот уже как достали! – чиркнул он ребром ладони по горлу. – Вот пойду сейчас, склею первую встречную и наделаю вам внуков – целый выводок! Только потом не обижайтесь, если что.

Он развернулся и шагнул к входной двери.

– Нич, ну ты куда? – виновато окликнул отец.

– Внуков вам делать! – буркнул Нича и, не оглядываясь, вышел.

Часть первая Маршрутка

*Тени голых берез
добровольно легли под колеса,
Залоснилось шоссе
и штыком заострилось вдали.
Вечный смертник – комар
разбивался у самого носа,
Превращая стекло лобовое
в картину Дали.*

В.С. Высоцкий

1

Несмотря на испорченный вечер, следующее утро началось как обычно. Нича проснулся с первого такта «будильной» мелодии, сразу поднялся, прошлепал на кухню, включил чайник. Затем умылся, побрился... и так далее – все, что он делал «на автомате» каждое буднее утро.

Перед самым выходом, уже в кроссовках, джинсах и джинсовой же курточке, Нича заглянул в зеркало, провел растопыренной ладонью по непослушным темно-русым вихрам и, прищурившись, выдал: «Ничо так».

Собственно, за это «ничо так» его и прозвали Ничей. Еще в школе, когда приставучий словесный сорняк неожиданно, но прочно прописался в его лексиконе. Столь же прочно приклеилось к нему новое прозвище. Более того, оно практически заменило ему настоящее имя; даже родители стали звать его Ничей. А он и не возражал. Нича так Нича. Вполне даже ничо так...

* * *

«Шестерка» прибыла вовремя, Нича как раз подходил к остановке. Новый маршрут был для него очень удобен – и остановка возле дома, и автобус не делал крюк через полгорода, а следовал прямо на Фабрику. Плохо лишь, что маршрутки ходили по нему крайне нерегулярно – можно и полчаса было без толку прождать, а потом бежать на остановку «копейки», нервничать и в результате опаздывать на работу. Поэтому Нича взял за правило никогда не ждать «шестерку»; если ее нет – сразу идти на «единичку».

На сей раз удача оказалась на Ничиной стороне, и он, согнувшись, поднялся в салон и сел на переднее сиденье, спиной к водителю. Ездить спиной вперед он не любил – казалось, что каждый из пассажиров его оценивающе разглядывает, – но больше свободных мест не было. Впрочем, теперь и он мог рассмотреть своих попутчиков, большую часть которых он сразу признал. Но заметил и несколько новеньких: светловолосого парня в зеленой ветровке напротив; неопределенного возраста угрюмую тетку, сидевшую возле двери; грузного мужчину лет сорока пяти с глубокими залысинами, который дремал на втором слева сиденье, прислонив голову к окну, и молодую женщину с пышной, рыжего цвета прической, устроившуюся в крайнем ряду. Женщина показалась Ниче похожей на куклу – то ли из-за цвета волос; то ли из-за белизны «фарфоровой» кожи; возможно, из-за чересчур, на его взгляд, правильных черт лица; а еще из-за того, наверное, что глаза ее тоже были закрыты.

Нича не любил ездить на этом сиденье еще и потому, что не видел дорогу впереди. Чисто психологически ему становилось от этого неудобно. Зато белобрысый парень, расположившийся возле окна напротив Ничи, как раз что-то впереди и увидел. И это что-то ему явно не понравилось, особенно после того, как маршрутка неожиданно вильнула влево. Глаза парня испуганно округлились, он открыл рот и, наверное, закричал, но все возможные звуки перекрыл в этот миг оглушительный визг тормозов и последовавший вслед за ним скрежет и грохот. Ничу резко и больно вжало в сиденье, а парень с разинутым ртом, сложившись пополам, с огромной силой въехал головой в Ничин живот. Затем мир кто-то выключил.

* * *

Включался же он постепенно. Сначала возникла боль. Болели спина и живот. Саднило прикушенную губу – Нича почувствовал на языке вкус крови. После осознания и вкуса прорезался слух – рядом кто-то тихо стонал. Отсутствовали пока лишь обоняние и зрение. Последнее испугало Ничу больше всего. Впрочем, он быстро понял, что у него просто-напросто закрыты глаза. Но сразу он их открывать не решился, опасаясь того, что увидит – море крови, кучу трупов, гору искореженного металла... Именно так – в преувеличенных масштабах – ему это все и представлялось.

Неизвестно, сколь долго еще находился бы Нича в плену своей болезненной мнительности, если бы не услышал возле самого уха:

– Молодой человек, вы живы?

Голос был настолько мелодичен и нежен, что кровавые картины разрушения и смерти тут же выветрились из головы. Нича раскрыл глаза. И сразу увидел ее лицо, совсем-совсем рядом от своего. Настолько близко, что до него можно было дотронуться губами – до чистой белой кожи лба, щек; до правильного, будто выточенного умелым резчиком носа, до нарисованных – но не помадой, а красками жизни – губ... Впрочем, конечно же, нет – до лица рыжеволосой незнакомки нельзя было дотянуться губами; эту иллюзию устроило накрытое шоком сознание. После того как Нича проморгался, все стало таким, каким было на самом деле. Но даже чуть «отодвинувшись», женское лицо оказалось достаточно близко, чтобы дотронуться до него по крайней мере рукой.

Конечно же, он не стал этого делать. Хотя, удивившись, понял, что очень этого хочет. Потому что лицо было прекрасным. А его обладательница – гораздо более юной, чем показалось Ниче сначала. Девушку «взрослил» деловой – жакет и юбка-миди – костюм темно-серого цвета. На самом же деле едва ли ей было многим более двадцати... И как только он мог сравнить это совершенное чудо с куклой?..

– Все хорошо? – вновь спросило «чудо».

– Ничо так, – неуверенно ответил Нича. Затем шевельнулся, осторожно выпрямился и понял, что на самом деле «ничо». Спина с животом хоть и побаливали, но терпимо. А на прикушенную губу можно было и вовсе не обращать внимания.

– Вот и замечательно, – улыбнулась девушка и перешла к соседнему креслу, на котором сидел, схватившись за голову, тот самый парень, что «нокаутировал» Ничу. Он тихонечко стонал и что-то неразборчиво приговаривал.

«Ага, – с непонятным чувством, очень похожим на ревность, подумал Нича, – так тебе и надо! Будешь знать, как бодаться!.. Скажи еще спасибо, что это мой живот тебе подвернулся, а не перегородка какая-нибудь или железяка. Может, я тебе вообще жизнь спас...»

Кстати... Нича завертел головой. В салоне, кроме него, девушки и парня, сидела еще та самая тетка, возраста которой он не смог определить. Теперь, приглядевшись внимательней, он решил, что за полтинник ей перевалило точно. Тетка была изрядно напугана и мелко дро-

жала. По неестественно серому лицу ручьями катил пот, смывая остатки косметики. От грязных потеков лицо казалось вовсе неживым и страшным. Удивительно, как женщина вообще удержалась на месте – перед ее сиденьем не было ничего, что помешало бы ей упасть. Впрочем, она вполне могла и подняться, пока Нича был в отключке.

Больше никого в маршрутке не было. Нича обернулся. Водительское место тоже пустовало. А еще его очень удивило состояние маршрутки. Во всяком случае, внутри она казалась абсолютно целой. Даже лобовое стекло присутствовало на положенном месте – и без единой трещинки!

– Ничо так!.. – хмыкнул Нича. – А куда все делись?

Девушка оторвалась на миг от парня, которого пыталась привести в чувство, и тоже огляделась.

– Не знаю, – сказала она. – Может быть, вышли? Сходите пока, посмотрите... Да, вы не знаете, где тут может быть аптечка?

Нича перегнулся в кабину водителя и сразу увидел пластиковый кейс с красным крестом, будто специально для него выложенный на пассажирское сиденье.

– Вот, – протянул он находку девушке и кивнул на стонущего парня. – А что, с ним что-то серьезное?

– Не знаю, – пожала та плечами. – Вроде бы все в порядке. По-моему, просто стресс... Но я же не врач.

– Зачем же тогда аптечка?

– Дам хоть нашатыря понюхать... Да вы идите, посмотрите, что там на улице!

«Ну вот, прогоняет, – мысленно вздохнул Нича. – А впрочем, и правильно делает. Я ей только мешаю спасать, так сказать, человека, а могу ведь заняться не менее полезным делом – разведать обстановку и найти остальных».

Странно, но почему-то у него поднялось настроение. Возможно, это тоже было последствием стресса, а быть может, еще и осознанием того, что страшная беда миновала, задев их только краешком. Никто ведь, как говорится, не умер! Хотя... Нича помрачнел. Может, как раз никого и нету здесь больше, потому что их уже увезли... Да нет же! В таком случае сначала увезли бы их, уцелевших, кого еще можно спасти. Мертвые всегда могут подождать. Они-то уж точно никуда не опоздают.

Рассуждая так, Нича открыл дверь. И не сразу понял, что же насторожило его, что заставило убрать назад занесенную уже над ступеньками ногу. Нахмурился, склонил голову набок, даже принялся. Не пахло абсолютно ничем, словно и впрямь обоняние еще не оправилось от удара. И тут он догадался, что не понравилось его подсознанию, – снаружи автобуса было тихо. То есть абсолютно. Словно мир вокруг них напичкали невидимой ватой. Или внезапно заложило уши.

У Ничи возникло сильное желание их прочистить. Но тут как раз всхлипнула потеющая тетка:

– Ой, что там?..

Нича понял, что с ушами у него все в порядке. И, не оборачиваясь, буркнул:

– Ничо так!.. Тихо все. Сейчас гляну...

Насчет «тихо» он сказал чистую правду. Только несчастная женщина и не подозревала, насколько буквальную.

Нича словно ступил в густой туман. Хотя никакого тумана не было и в помине. Напротив, небо радовало глаз почти полной безоблачностью, июньское солнце приподнялось уже довольно высоко над лысыми сопками... Нича посмотрел на часы, но те стояли. Стрелки застыли на восьми сорока.

Он тряхнул кистью, но часы так и не подали признаков жизни – скорее всего они стали единственной жертвой аварии. А может, просто села батарейка.

«Да и хрен с ними!» – подумал Нича и внимательно огляделся вокруг.

Маршрутка стояла почти перпендикулярно шоссе, носом к обочине. Трасса была абсолютно пустой в обе стороны. Конечно, их городок не являлся ни Москвой, ни Чикаго, ни даже Урюпинском, но на шоссе, ведущем к Фабрике, всегда было хоть какое-то движение. Тем более, в будний день. Тем более в час, когда заканчивалась ночная и начиналась утренняя смена. Хотя... Нича почесал затылок... Фиг его знает, который теперь час. Он снова глянул на солнце. Но определять по нему время он не умел.

Ладно, решил Нича, не важно. То есть, не очень важно. Пока. Предположим, что рабочий день уже начался, и так уж совпало, что сейчас никто никуда не едет.

Стоп! Он чуть не подпрыгнул. А где вторая машина?! Та, с которой столкнулась маршрутка? Неужели удрала? Но ведь удар был достаточно сильным, чтобы она столь легко отделилась! Или это был какой-нибудь «КАМАЗ»?..

Нича обошел автобус кругом. Оранжевая, словно апельсин, «ГАЗель» была абсолютно целой! Мало того, на блестящем лаковом глянце не красовалось ни единой царапинки! Казалось, автобус только что съехал с заводского конвейера.

– Ничо так!.. – вновь почесал затылок Нича.

Он посмотрел в сторону Фабрики. До нее было километра три. Фабричные трубы четко вырисовывались редким уродливым гребнем на фоне ясного синего неба. Знакомая картина чем-то не понравилась Ниче. Что-то в ней казалось настолько неестественным и неправильным, что разум забуксовал. Ниче стало жутко, словно вместо труб он увидел задранные вверх жерла гигантских пушек. Казалось, еще мгновение, и из них вырвутся языки пламени, повалит пороховой дым, а еще через пару мгновений послышится вой приближающихся снарядов...

Стоп!.. Вот теперь Нича, не удержавшись, подпрыгнул. Дым! Конечно же, дым! Никакого дыма не было, трубы не коптили это ясное синее небо! А такого быть не могло. Никогда. Производство на Фабрике было цикличным, круглосуточным. Даже если останавливали из-за аварии или на профилактику какой-нибудь цех – остальные продолжали работать и отравлять, как говорится, окружающую среду вредными выбросами. Через эти самые трубы в первую очередь.

Значит, что? Нича сел прямо на асфальт, потому что ноги вдруг отказались его держать. Значит, трындец!.. А если конкретней? Если конкретней, то, например, началась война. Что там им в школе еще, помнится, рассказывали про нейтронную бомбу?.. Дескать, после ее взрыва все живое погибает, а материальные ценности остаются. Именно это сейчас и наблюдается.

– А мы?! – вскочил Нича, не замечая, что вопит вслух. – Ведь мы-то живы!..

«Или это корпус маршрутки сыграл роль экрана? – перешел он снова на мысленный монолог. – Но разве может полмиллиметра – или сколько там? – жести послужить экраном от жесткой проникающей радиации?..»

Не будучи технарем, Нича все равно был уверен, что металлическая скорлупка микроавтобуса защитит от взрыва нейтронной бомбы ничуть не лучше яичной скорлупы. К тому же куда делись остальные пассажиры? Испарились, потому что сидели возле окон?..

Ему вдруг стало очень смешно. Он согнулся пополам, прижав руки к заболевшему от смеха животу. Кривясь от боли, он не мог остановиться – все хохотал и хохотал. Его скрючило так, что колени опять подогнулись, и Нича упал на асфальт, продолжая сотрясаться в припадке судорожного смеха.

Очнулся он от резкого запаха нашатырного спирта. Рядом с ним стояла на коленях рыжеволосая девушка, держа возле его носа ватку. Нича поморщился и отвел ее руку.

– Не надо больше... Спасибо... – хрипло выдавил он.

– Что с вами случилось? – заглянула в его глаза девушка. Ничу словно прошибло током, почище даже, чем от запаха нашатыря, – настолько синими, бездонными и прекрасными были глаза незнакомки!.. Кстати, а почему незнакомки?.. Нича сел и, оставив без внимания ее вопрос, задал свой:

– Как вас зовут?

– Соня... София. А почему... Погодите, при чем тут мое имя? Что с вами случилось, вы можете ответить?

– Да ничего со мной не случилось, – улыбнулся Нича. – Это вот с ним что-то случилось, – развел он руками.

– С кем? – обернулась Соня.

– С миром.

– С вами на самом деле все в порядке? – вновь посмотрела на Ничу девушка.

– Ничо так, – сказал он. – Нормалек!

– А?.. – отчего-то вздрогнула Соня и неожиданно покраснела. Нича слышал, что белокожие рыжеволосые люди краснеют очень сильно, но не думал, что настолько. Теперь уже забеспокоился он:

– Что с вами? Вам плохо? Где эта... как ее... аптечка?

Нича вскочил и завертел головой. Рванулся к автобусу, но Соня крикнула:

– Не надо!

– Что? – замер Нича. – Почему? Вам же плохо... – Впрочем, он уже видел, что краска медленно, но уверенно сходит с лица девушки. – Или... нет?

– Нет, – тихо ответила Соня и отвела взгляд. Поднялась с асфальта, отряхнула ладони и, не глядя на Ничу, продолжила: – Просто... вы сказали: «Нормалек»...

– Ну, да, я так сказал, – пожал плечами Нича. – И что?

– Разве вы меня знаете? Мы с вами встречались?.. Вряд ли, я бы запомнила. Вы... такой высокий и... видный... – Она снова начала краснеть.

– Ну, не такой уж высокий, – засмутился теперь и Нича. – Всего-то метр восемьдесят пять. Но почему вы решили, что мы... что я вас могу знать?

– Но вы же сказали... – начала Соня и неожиданно рассмеялась: – Постойте! Вы сказали: «Нормалек», в том смысле, что все нормально?.. Все в порядке?..

– Ну, да, – удивился Нича. – А в каком смысле можно еще это сказать?

Соня засмеялась в голос. Отсмеявшись, хлопнула себя по лбу:

– Ну я и балда!

– Да что такое-то? Вы знаете, я себя ощущаю куда большей балдой. Более длинной – определенно.

– Да все очень просто, – вновь отвела взгляд Соня. – Просто мои близкие, мои друзья называют меня так.

– Нормалек?.. – разинул рот Нича. – Но почему?

– Потому что это мое любимое слово. Ну, слово-паразит, знаете, бывают такие?

– Еще бы не знать!.. – вздохнул Нича.

– Ну, вот, – улыбнулась Соня, и синий цвет ее глаз поменялся для Ничи местами с небом. – А еще у меня и фамилия соответствующая. Нормалева.

– Мы с вами – товарищи по несчастью. – Нича продолжал падение в небесную синеву. – То есть не по несчастью, а по... этому... Как его?..

– Счастью? – подсказала Соня.

– Да! То есть нет. Или тоже да, но не сейчас... Не про то... – Он вдруг понял, что несет околесицу, но рассуждать и вообще связно мыслить неожиданно разучился.

– Мне кажется, у вас все-таки контузия... – нахмурилась Соня. – Наверное, стоит показаться врачу.

– Я покажусь, – внезапно пришел в себя Нича. – Обязательно. Только не называйте меня во множественном числе, ладно? Я ведь один. – Он просительно улыбнулся. – Хорошо?

– Ладно, – неуверенно пожала плечами Соня. – Только я ведь даже не знаю, как вас... как тебя зовут.

– Вот! – обрадовался Нича. – Именно это я и хотел сказать! Тогда.

– Когда «тогда»? – снова нахмурилась Соня.

– Когда сказал, что мы товарищи по несчастью. Ведь у меня тоже прозвище. Нича. – Он церемонно поклонился, прижав к груди руку.

– Нича? – улыбнулась девушка. – А почему?.. Постой, постой, не говори!.. – замахала она. – Я, кажется, догадалась. Ты все время как-то так смешно говоришь... «Ничего так». Да?

– Ну, почти. Только у меня получается короче: «Ничо так».

Они засмеялись вместе, и Нича понял, что именно сейчас, когда мир, похоже, перестал существовать, когда, возможно, в живых на свете осталось всего четыре человека, он впервые почувствовал себя по-настоящему счастливым.

– А как тебя зовут мама с папой? – все еще смеясь, спросила Соня.

– Так и зовут, – ответил Нича мрачней. – А еще Колей. По паспорту я Николай.

– Что с тобой опять? – испугалась Соня.

– Ты знаешь... Нет, ты, конечно, не знаешь... Посмотри вон туда. – Нича показал на трубы Фабрики.

– И что? – приставив ладонь ко лбу, всмотрелась вдаль Соня. – Я ничего там не вижу, кроме труб.

– Вот именно, – кивнул Коля. – А ведь еще там должен быть дым.

– Ой, правда! – зажала девушка рот ладошкой. – Почему же его нет?

– Потому что, боюсь, людей, кроме нас, тоже больше нет.

– Как это нет? Вон же они! – повернулась к маршрутке Соня. – Витя и... женщина.

«Ага, они уже успели познакомиться, – помрачнел Нича еще больше. – Молодец, Витек, не теряется, ему и конец света нипочем!..» Вслух же он пробурчал:

– Я не об этих. Не о наших... Обо всех остальных.

– А... что с остальными? – захлопала длинными ресницами Соня, каждым их взмахом заставляя Ничино сердце прыгать баскетбольным мячом. – Если не дымят трубы, разве это значит, что нет людей? Может быть, авария на Фабрике... Или ремонт.

– Ремонт всей Фабрики? – усмехнулся Нича. – Ну, хорошо, посмотри тогда на шоссе. Сколько мы тут уже торчим? Минут двадцать? Полчаса? Ты видела хоть одну машину, хоть одного человека, кроме нас? Или они все сейчас ремонтируют Фабрику?

– Ну зачем ты так? – обиделась Соня. – Я ведь только предположила.

– Ты прости меня, – побледнел Нича. – Я ничего такого... Это я к слову просто. Только я думаю, Соня, что никого больше нет... – Последние слова он произнес шепотом.

Соня съежилась и обхватила плечи руками, словно ей стало вдруг холодно.

– А может... – все так же шепотом сказал Нича и замолчал.

– Что? Что «может»?.. – задрожала Соня, и Ниче так сильно захотелось обнять ее и согреть, что он даже сделал шаг к девушке. Но тут же вспомнил, о чем подумал перед этим, и отвернулся.

– Ничего. Больные фантазии. Последствия контузии.

– Нет уж, ты давай говори! – схватила его за рукав Соня. – Раз уж начал.

– Но это и правда лишь мои домыслы, – замямлил Нича. – Просто... Просто я подумал, что, может быть, с миром ничего не случилось... Что это с нами... Мы ведь попали в аварию все-таки...

– Ты подумал, что мы... умерли? – почти беззвучно выдохнула Соня.

Нича кивнул.

– Понимаешь, тогда многое объясняется, – быстро, словно оправдываясь, заговорил он. – Почему нет людей, почему наша маршрутка целехонькая. Почему нас тут лишь четверо оказалось...

– То есть остальные пассажиры, по-твоему, остались живы, потому их и нет? – задумчиво прищурилась Соня. – А маршрутка целая почему? Это ее душа, что ли? – Девушка не удержалась и хихикнула.

А Ниче смеяться совсем не хотелось. Он теперь почти уверился в своей правоте. Странным было лишь то, что оказались они не где-то на «том свете» – не в Раю, не в Аду, не в Чистилище, наконец, – а в привычных, что называется, декорациях; но кто его знает, как должен осуществляться переход в загробный мир? Может быть, это и сделано для того, чтобы он показался не столь резким, не шокировал душу.

Нича истерично всхлипнул, но тут же взял себя в руки. С Соней на эту тему ему объясняться расхотелось. Главное, что она была с ним. С ней он готов был отправиться куда угодно, даже в Ад. Маловероятно, конечно, чтобы такой синеглазый ангел был предназначен для Ада.

Подумав так, он испугался. «А я? Куда ждет дорога меня? Что, если в Ад попаду я?» Но поразмыслив, Нича все же решил, что на Ад он своими грехами еще заработать не успел.

Не успел он и дать воли своей буйной фантазии. Из двери автобуса высунулась Витина голова.

– Эй! – позвал парень. – Идите скорей сюда! Тут этой плохо...

2

Утро в семье Бессоновых-старших тоже поначалу было привычным и будничным. Зоя Валерьевна встала, как всегда, рано, не было еще и семи. Геннадий Николаевич поднимался в восемь, так что и ей можно было еще поспать с полчаса как минимум. Но она не любила торопиться, постоянно оглядываясь на часы. Жизнь «впритык», в постоянном таймауте была не для нее. Собственно, еще и поэтому на пенсию она вышла сразу, как только ей исполнилось шестьдесят. Денег им с мужем хватало, Геннадий Николаевич работал программистом в больнице, и хоть зарабатывал почти вдвое меньше, чем когда-то на Фабрике, но и такой зарплаты плюс ее пенсии было вполне достаточно для приемлемого существования. Хотя и не любила Зоя Валерьевна этого определения, полностью согласная с песенным утверждением «жить, а не существовать», но сказать, что им хватало средств именно для достойной жизни, она все-таки не могла. Сердилась на себя, мысленно обзывала мещанкой, а то и «неблагодарной скотиной», но все же хотелось порой чего-то большего. Большой, уютной квартиры, путешествий по дальним странам, внуков...

Тьфу, при чем тут внуки?.. Благодушное утреннее настроение мгновенно испортилось. Сразу вспомнилась вчерашняя глупая ссора. Ну, зачем она вчера так разнервничалась? Почему опять завелась? Расстроила Колю, обидела Гену... Понятно же, что сын до сих пор не женился вовсе не для того, чтобы досадить ей. Но внуков так хочется!.. И, самое главное, так тревожно за сына... А может, она и впрямь старомодна со своими взглядами? Ведь если посмотреть, редко кто из мужчин сейчас женится до тридцати. Может, это и правильно? Надо сначала встать на ноги, определиться в жизни, подождать, пока выветрится мальчишеское легкомыслие... Сколько вокруг примеров, когда ранние браки рассыпаются, словно карточные домики! Вон Мишка Чернов, Колин одноклассник, уже дважды был женат – и что хорошего вышло? Или Витя Емельянов... Так что и прав, может быть, Коленька, что не торопится? Хотя разве он это специально... Может, и рад бы, да не выходит. Не может найти ту самую, которая...

Зоя Валерьевна махнула рукой, отгоняя прилипчивые мысли, и поспешила в комнату, к своему «садочку», как она любовно называла небольшой цветник на подоконнике. Цветы Зоя Валерьевна любила, и рядом с ними тревожные мысли улетучивались сами собой.

Похоже, что и растения любили свою хозяйку, отвечая на ее заботу теплыми красками цветочных лепестков. Как-то и впрямь получалось, что у «подопечных» Зои Валерьевны при цветении преобладали теплые тона. Вот оранжевые и красные розы; вот желто-розовые цветы бегонии; красные, с плавным переходом в пурпур, гвоздики. А это – один из любимчиков: кактус лобивия. Уход за ним предельно простой, а цветы – такой великолепно насыщенной желтой окраски!

Карминно-желтые цветки белопероне, собранные в колоски на концах веточек, склонились перед Зоей Валерьевной на тонких и гибких стеблях, словно отдавали почести своей доброй владычице. Она тоже кивнула им, как старым верным друзьям.

Из теплой гаммы выбивались лишь африканские фиалки и розмарин. Фиалка не была любимым цветком Зои Валерьевны, но именно этот кустик сенполий подарил ей на шестидесятилетний юбилей Коля, поэтому фиалки как вид разделились для нее на две категории: именно этот цветок, который она полюбила всем сердцем, и все остальные, к которым ее душа продолжала оставаться холодной. Зоя Валерьевна легонько коснулась темно-лиловых лепестков и улыбнулась так, будто гладила сына. Затем она слегка потерла узенькие серовато-зеленые листочки розмарина и будто открыла флакончик духов – столь чудный аромат проник в ее ноздри. Зоя Валерьевна наклонилась и благодарно коснулась губами мелких голубых цветов, покрывавших густые красивые кустики.

Затем она, бережно придерживая каждый горшок, оборвала сухие листочки и увядшие лепестки, деревянной палочкой взрыхлила в двух из них землю и напоследок полила каждое растение из оранжевой пластиковой лейки.

Настроение снова стало таким, каким ему и положено быть солнечным летним утром. Теперь можно было браться и за приготовление завтрака.

Зоя Валерьевна любила готовить, а сейчас, когда настроение ее пришло в полную гармонию с окружающим миром, она и вовсе чувствовала в себе способность творить кулинарные чудеса. Но Геннадий Николаевич издавна приучил ее к тому, что меню его завтрака не должно превышать пары бутербродов и чашки кофе или чая. Максимум, на что он мог согласиться утром, помимо бутербродов (точнее, вместо одного из них), – это глазунья из двух яиц, которую и решила сейчас сделать Зоя Валерьевна. А чтобы ее вдохновенный порыв не пропадал уж совсем даром, она задумала сварить кофе по-восточному, причем по не совсем обычному рецепту.

Быстро приготовив яичницу, Зоя Валерьевна глянула на часы. До пробуждения мужа оставалось пять минут, можно было приступить к таинству.

Она и правда относилась к приготовлению кофе словно к некоему культовому обряду. Кофейные зерна были у нее помолоты с вечера, причем не в электрической кофемолке, а с помощью ручной мельницы, что с точки зрения Зои Валерьевны давало более правильный помол. Она никогда не молола кофе впрок, поскольку аромат молотых зерен был весьма недолговечным. Лучше бы и вовсе это делать перед непосредственным приготовлением напитка, но ручной помол отнимал довольно много времени, так что она пошла на сей небольшой компромисс, засыпая на ночь молотый душистый порошок в жестяную коробочку с плотно закрывающейся крышкой.

Но доставать ее сейчас Зоя Валерьевна не спешила. Она взяла с полки латунную, потемневшую от времени джезву с восточным узором, поставила на включенную плиту и, не наливая воду, высыпала в нее чайную ложку сахарного песка. Через пару минут конфорка, а вместе с ней и джезва, нагрелась, и песок начал медленно плавиться, приобретая коричневатый оттенок. Запахло карамелью. Дождавшись ведомого только ей результата, Зоя Валерьевна сняла джезvu с огня и залила в нее воду. Затем снова поставила сосуд на конфорку и пошла будить мужа.

Когда она вернулась на кухню, вода уже закипала. Теперь пришел черед и заветной коробочки с намотыми с вечера зернами.

Высыпав в воду три чайные ложки порошка, Зоя Валерьевна стала ждать, когда появится пена. Дождавшись, она быстро сняла джезvu с плиты и с полминуты подождала, пока пена уляжется. Затем она вновь вернула на плиту латунный сосуд и еще дважды проделала ту же процедуру, не давая воде окончательно закипеть.

Как раз к окончанию кофейного таинства в кухне появился Геннадий Николаевич. Он шумно потянул носом и восторженно крикнул:

– Ну и аромат! Аж слюнки текут.

– Садись, глазунья уже, наверно, остыла, – с трудом удержала довольную улыбку Зоя Валерьевна.

Она подала мужу тарелку с яичницей, отрезала кусок черного хлеба (другого Геннадий Николаевич за хлеб не признавал) и стала намазывать маслом ломтик батона (который, «хоть и не хлеб, но на десерт годится»). Себе тоже сделала бутерброд и налила кофе.

Завтракали молча. И лишь когда, блаженно жмурясь и постанывая, супруг приступил к дегустации восточного напитка, Зоя Валерьевна, робко коснувшись запястья мужа, сказала:

– Ген, ты прости меня за вчерашнее...

Геннадий Николаевич резко, плеснув кофе на блюдце, поставил чашку, обнял ладонями руку супруги и собрался что-то сказать, но поперхнулся, закашлялся, и Зоя Валерьевна, вскочив, начала стучать по спине мужа сухоньким кулачком.

Откашлявшись, Геннадий Николаевич допил кофе, поблагодарил жену и, задержавшись в дверях кухни, пробубнил:

– Ну... Ты тоже... это... не сердчай на меня.

– Надо бы Коле позвонить, – вздохнула Зоя Валерьевна, – он, наверное, обиделся на нас.

– Угу, позвони. Ему ведь тоже на работу к девяти, всяко проснулся уже.

– Да он уже в автобусе, наверное, – махнула рукой Зоя Валерьевна. – На работу позвоню.

Геннадий Николаевич снова угукнул и пошел одеваться.

Проводив мужа, Зоя Валерьевна не спеша вымыла посуду, прибралась на кухне, даже помыла там пол, а потом, войдя в уборочный раж, переместилась в прихожую, а затем и в комнаты. Домашние хлопоты, особенно такие вот, сугубо механические, не требующие ни физической силы, ни умственных затрат, всегда ее успокаивали. Под эти занятия хорошо думалось ни о чем, мечталось. Если она при этом находилась в квартире одна, то пыталась даже напевать.

Вот и сейчас, мурлыча незатейливую мелодию без слов, Зоя Валерьевна увлеклась уборкой настолько, что совершенно забыла позвонить Коле. И, когда запиликал телефон, ойкнула, бросила взгляд на часы и сокрушенно замотала головой: «Совсем старая стала, ничего в голове не держится!»

Она подняла трубку, мысленно подбирая для сына слова извинения, но услышала голос мужа:

– Ты... это... Ниче звонила?..

Геннадий Николаевич произнес фразу нарочито небрежно, и эту нарочитость Зоя Валерьевна сразу же уловила.

– Что?.. Что с Колей?! – выдохнула она, чувствуя, как подгибаются колени.

Муж словно увидел это и заговорил уже обычным, хоть и заметно встревоженным тоном:

– Да ты успокойся! Сядь и успокойся. Ничего с Колей не случилось. Просто я дозвониться до него не могу. Мобильник у него вне зоны действия сети. А рабочий телефон я не помню. Такой вот хард-рок.

– А зачем тебе... Коля?.. – опустившись на диван, выдавила Зоя Валерьевна, с трудом шевеля губами.

– Ну, мать, ты даешь! – нутужно хохотнул супруг. – Зачем мне сын!.. За тем же, зачем и тебе! – Но услышав в ответ лишь сиплое дыхание, он быстро сменил тон: – Э! Зоя! Ты в порядке?..

– Д-да, – клацнула зубами Зоя Валерьевна.

Мир в ее сознании рухнул. Она отчетливо поняла, что с сыном случилась беда. И это понимание произошло не от того, что она услышала от мужа, – в его словах и впрямь не было ничего страшного. Она почувствовала это чем-то другим: материнским ли сердцем, внезапно проснувшимся первобытным чутьем – не важно.

Нажав кнопку отбоя, она впала в ступор. Сколько она просидела так, недвижно, без единой мысли в голове – пять, десять минут, полчаса? – неизвестно. Внезапно очнувшись, тут же набрала Ничин рабочий номер. К телефону долго никто не подходил, а потом в трубке раздался незнакомый мужской голос:

– Планово-экономическое управление, Юрий Макаров. Слушаю вас.

– Могу я услышать Николая Бессонова?

– Вы знаете, а его... А кто его спрашивает?

– Это его мама... Где Николай?..

– Вы меня простите, пожалуйста... – Голос в трубке отдалился, слышались другие, плохо слышимые: «Чего там?», «Это мать Бессонова...», «Случилось что?..», «Дай сюда!..», а потом телефон заговорил густым и липким, словно клейстер, басом:

– Добрый день. Начальник ПЭУ Леонид Васильевич Голиков. Вы мать Бессонова?

– Да, я Колина мама... А что с Колей? Где он?!

Зоя Васильевна вскочила с дивана, готовая сорваться и бежать. Знать бы только – куда?

– Да вы успокойтесь!.. Как вас зовут?

– 3-зоя Ва... лерьевна... – У нее опять застучали зубы и перехватило дыхание.

– Успокойтесь, Зоя Валерьевна. Это как раз я хотел узнать у вас, что случилось с Николаем Геннадьевичем. На работу он не пришел, домашний телефон молчит, мобильный – вне зоны доступа...

– Как не пришел? Почему не пришел?.. – вновь опустилась на диван Зоя Валерьевна.

– Вот и я хочу знать почему? – тяжело вздохнули в трубке. – Вы его давно видели?

– Вчера...

– С ним все было в порядке? Не заболел, не... гм-м... праздновал чего?

– Да вы что! Разве Коля...

– Нет-нет, это я так, мало ли! Все ведь люди.

– Нет, Коля был абсолютно здоров и... трезв. – Разозлившись, Зоя Валерьевна почувствовала себя уверенней, даже перестали трястись губы и выровнялось дыхание.

«Может, в аварию попал?» – послышался чей-то отдаленный голос, трубка в ответ свирепо шикнула, а потом все тот же липкий бас заговорил неестественно слащаво, отчего Зое Валерьевне показалось, что эта приторная масса потечет сейчас из динамика прямо ей в ухо, и она невольно отодвинула трубку.

– Вы только не волнуйтесь, я думаю, это всего лишь недоразумение. Возможно, Николай Геннадьевич просто забыл пропуск и вернулся за ним. А телефон оказался разряжен... Или почувствовал недомогание и поехал в поликлинику. Или ава... Ава... А вас я попрошу, если вы что-то узнаете, сообщите, пожалуйста, нам.

«Авария!!!» – набатом загудело в голове Зои Валерьевны, и она, не попрощавшись с Колиным начальником, прервала разговор и бросилась к тумбочке, где лежал телефонный справочник.

«Больница, больница, – трясущимися руками стала листать она книгу, – где эта чертова больница?» Потом, сообразив, что именно там работает ее муж, она отшвырнула справочник и только стала набирать знакомый номер, как входная дверь щелкнула замком.

– Что?.. Что?! Что-о-о?! – завопила она, метнувшись в прихожую.

Геннадий Николаевич ринулся к ней, сграбастал в охапку, принялся гладить по голове и спине.

– Ты чего? Ты чего, Зоюшка? Ничего ведь не случилось. Ничего страшного.

– Коля?.. Где Коля?! Что с ним?.. – Зоя Валерьевна не выдержала и разрыдалась.

Не выпуская из объятий супругу, Геннадий Николаевич, наступая на задники туфель, разулся и повел жену в комнату, к дивану. Усадил ее, опустился рядом, не переставая гладить ее голову, но тут же вскочил:

– Успокойся, Зоя, прошу тебя! Что тебе принести? Валерьянки?..

Зоя Валерьевна отчаянно замотала головой, разбрызгивая слезы.

– Ну тогда водички, – сорвался с места Геннадий Николаевич. – Я сейчас!

Он сбегал на кухню и вернулся с кружкой.

– На, выпей...

Зоя Валерьевна вцепилась в кружку так, словно в ней было спасение. Сделала пару судорожных глотков и дернулась:

– Что это?..

– Вода. И я туда пару капель коньячку плеснул. Тебе надо прийти в себя. Пей и не морщись!

Зоя Валерьевна терпеть не могла алкоголь, но сейчас почему-то не стала спорить с мужем и сделала еще несколько глотков. Даже от этих едва ли ста граммов подкрашенной коньяком воды в голове приятно зашумело, в животе стало тепло, и паника нехотя отступила, подыскав себе более мягкую замену – тревогу.

– Почему ты пришел? Ты что-то узнал про Колю? – отставила кружку Зоя Валерьевна и бросила на мужа взгляд, полный одновременно надежды и страха.

– Нет, не узнал, – положил на ее плечи руки Геннадий Николаевич. – Клянусь, я тебя не обманываю, не успокаиваю специально! Но...

– Но что? – вцепилась Зоя Валерьевна в отвороты рубашки супруга.

– Если ты будешь так реагировать, – осторожно отнял ее руки Геннадий Николаевич, – я ничего не стану рассказывать. То, что я собрался сказать, возможно, и вовсе не связано с Ничей.

– Я не буду, не буду! – словно маленькая девочка замотала головой Зоя Валерьевна и даже спрятала руки за спину. – Пожалуйста, расскажи все, что ты знаешь! И... почему ты вернулся...

– Да потому и вернулся, что тоже ведь за Ничу переживаю! – крикнул супруг, отводя глаза в сторону. – От меня там толку сейчас!.. Авария сегодня утром была...

– Авария!.. – подпрыгнула Зоя Валерьевна, сжав лицо ладонями.

– Зоя! Ну ты же обещала!.. – притянул ее к себе муж. – Да, авария. Есть... погибшие. Но Ничи среди них нет.

– А среди раненых?..

– Ты знаешь, – почесал в затылке Геннадий Николаевич, – раненых вообще нет. Не считая водителя «КАМАЗА», который в эту маршрутку въехал. Но у него просто шок нервный...

– В маршрутку?! – снова подпрыгнула Зоя Валерьевна. Но быстро опомнилась и спросила уже более спокойно: – Какой номер? «Шестерка»?..

– Да откуда я знаю!.. – махнул рукой супруг. – Спрашивать не у кого, трупы одни... – Он испуганно глянул на жену и добавил извиняющимся тоном: – А к «камазнику» этому не пускают никого, кроме врачей.

– Кто не пускает?

– Милиция. И, похоже, не только.

– То есть? А кто же еще?..

– Ну, я точно не знаю. Там машин понаехало!.. Говорят, что вроде и эфэсбэ заинтересовалась.

– Но... почему?..

– Не знаю. Наверное, потому что жертв очень много.

– Много? Сколько? Ты ведь говорил, что...

– Я говорил, что раненых нет. А погибших... одиннадцать.

– Да ты что!.. – снова схватилась за щеки Зоя Валерьевна.

– Такой вот хард-рок... – виновато развел руками Геннадий Николаевич.

– А остальные? Те, кто ехал в маршрутке?.. Они где? Что они говорят?

– Зоя, я правда ничего больше не знаю, – приложил к груди руку супруг.

– Так позвони скорей Игорю! Он ведь, наверное, может узнать!..

Игорь Ненахов был одноклассником и старым другом Геннадия Николаевича. Три года назад он вышел на пенсию, а до этого руководил розыскным отделом городского ОВД. Так что совет Зои Валерьевны был вполне разумным. Но Геннадий Николаевич вспомнил о друге еще раньше.

– Да я ему еще с работы позвонил. Он сказал, что, как все узнает, перезвонит.

– Ну, вот, а ты ушел!

– Я ему сказал, что домой иду. Так что он сюда звонить будет, не переживай.

Словно в подтверждение этих слов раздался звонок. Но не телефонный, а в дверь.

Супруги вскочили разом. Но открывать пошел Геннадий Николаевич, поскольку Зоя Валерьевна почувствовала такую слабость в ногах, что вновь опустилась на диван. Ей вдруг подумалось, что это пришли незнакомые, чужие, страшные люди, которые сообщат сейчас... Нет-нет-нет!!!! Зоя Валерьевна судорожно затрясла головой. Ее охватил такой ужас, что захотелось убежать, улететь, утопиться, повеситься, лишь бы не услышать того, что ей скажут сейчас!..

Но сказали совсем другое. И вполне знакомым голосом Игоря Ненахова.

– Привет, Зоя! Ты чего так смотришь, будто перед тобой привидение? Неужто я так сдал за пару недель?

– Ой, Игореша, здравствуй! – поднялась навстречу мужчине Зоя Валерьевна. – Да ты ведь знаешь, что у нас случилось...

Подтянутый и моложавый, хоть и совершенно седой, бывший милицейский полковник подошел к ней и поцеловал руку. Казавшийся бы у других наигранным, этот жест в исполнении Ненахова смотрелся совершенно естественно и органично.

– Присаживайтесь, – словно гостей или даже посетителей пригласил он супругов, сделав жест в сторону дивана. Сам уселся напротив, оседлав стул вперед спинкой и сложив на ней руки. Побарабанил большими пальцами и наконец-то прокомментировал сказанное Зоей Валерьевной: – А что у вас случилось? Ничего у вас не случилось. Николай пропал? Это неприятно, тревожно, но это еще не трагедия. Ведь среди погибших его нет.

– Ты что-то еще узнал? – подался вперед Геннадий Николаевич. – Почему ты не позвонил, а сам приехал?

– Да потому что догадывался, как вы тут места себе не находите, – кивнул отставной полковник на съездившую Зою Валерьевну. – А по телефону я бы только сильнее вас озадачил.

– Что?!. – синхронным дуэтом выкрикнули супруги.

– Да в том-то и дело, что ничего, – поморщился Ненахов, но взгляд не отвел, продолжил: – Ерунда какая-то с этой маршруткой... Развели секретность, как мама не горюй! Эфэсбэ на кой-то ляд влезла, теперь что-то разузнать трудно будет.

– Но хоть что-то ты успел разнюхать? – Геннадий Николаевич хорошо знал друга и понимал, что с пустыми руками тот бы вряд ли явился.

– Что я тебе, собака? – фыркнул тот. – Не легавый я уже, если ты это имел в виду.

– Не придирайся. И не тяни ты, будь человеком!

– Да не тяну я, не тяну... Не знаю только, как и сказать, чтобы вы меня идиотом не посчитали. Я и сам пока в это врубиться не могу. В общем, ребята, что на дэтэпэ выехали, на месте аварии только «КАМАЗ» застали с побитой мордой. И кучу трупов рядом.

– А маршрутка?! Неужто с места происшествия скрылся, засранец?..

– Ага, – скривил губы Ненахов, – выгрузил покойников и умчался!.. Вообще-то так и гайцы сначала подумали, хоть это и бред натуральный.

– Ну, почему же бред, – подала наконец голос и Зоя Валерьевна. – Просто человек не полной сволочью оказался, подумал, что этим людям могут еще оказать помощь...

– А уцелевшие что ж, решили в сообщники записаться? – нахмурился Геннадий Николаевич.

– Гена, я просто предположила... – обиженно заморгала Зоя Валерьевна.

– Не надо ссориться, друзья! – растопырил ладони Ненахов. – Тут заковырка в другом. Среди трупов опознали и тело водителя.

– Так что же, маршрутку пассажиры угнали? От стресса? – нервно хохотнул Геннадий Николаевич.

– Не думаю. Судя по повреждениям на кабине «КАМАЗА»... «КАМАЗА»! Вдумайтесь!.. Так вот, судя по ним, от «ГАЗели» груды хлама должна была остаться. Куда уж там на ней удирать!

– Так где же она?

– Неизвестно.

– Может, эфэсбэшники забрали?

– Нет. Гайцы первыми приехали. Те подключились, когда вся эта хрень вылезла как раз.

– Что еще? – подозрительно глянул на друга Геннадий Николаевич. – Ведь есть же что-то еще, вижу!

– Ну, – замялся бывший полковник. – Есть, но это уже явные сказки...

– Давай-давай!

– В общем, ребята свидетелей опросили... Собственно, такой лишь один нашелся, он как раз сзади маршрутки ехал, на «девяносто девятой». Как раз собирался на обгон пойти, а на встречной – «КАМАЗ». Ну, он снова за «ГАЗель» ушел и сразу хлопок услышал, после чего маршрутка на встречу вильнула и – лоб в лоб...

– Хлопок? Баллон лопнул?

– Видимо. Но странность не в этом. Таких-то случаев – мама не горюй! Все дело в том, как утверждает свидетель, что маршрутка после удара исчезла. Растворилась! Только тела на асфальт попадали...

– Да он пьяный был поди, свидетель этот! – подскочил Геннадий Николаевич. Зоя Валерьевна одобрительно посмотрела на мужа и закивала.

– Проверили. Трезв как стеклышко! Подозревают, правда, что это у него от нервного шока крыша поехала.

– Ну или так, – снова сел Геннадий Николаевич.

– Так-то оно так, – вздохнул Ненахов, – да только гайцы, кроме тормозного следа и трупов, ничего от той «ГАЗели» не нашли. Ни кусочка, ни стеклышка, ни краски на грузовике. Ни-че-го! А такого, поверьте мне, не бывает.

– Значит, или гаишники почему-то врут... – начал Геннадий Николаевич.

– ...или не врет свидетель, – закончил за него друг.

3

Соня, а сразу за ней и Нича быстро вернулись в автобус.

Женщине было не просто плохо. Судя по всему, она умирала. Серое и до этого лицо стало попросту пепельным, нос заострился, губы посинели и мелко тряслись. Тушь, перемешанная с потом, разукрасила щеки и подбородок такими замысловатыми узорами, что казалась ритуальной маской, словно нанесенной специально для встречи со смертью.

Она лежала на задних сиденьях, свесив в проход ноги, а Витя вжался в угол рядом с водительской перегородкой. Нича окинул парня презрительным взглядом, но говорить ничего не стал, а сразу прошел в конец салона следом за Соней.

– Нужна помощь? – тихо спросил он.

– Да какая помощь? – буркнула склонившаяся над женщиной Соня. – Откуда я знаю, что нужно делать? Я ведь не врач, говорю же тебе.

Губы умирающей внезапно зашевелились.

– Что? – еще ниже наклонилась девушка. – Что вы сказали?

– Домой... – скорее угадал по губам, чем расслышал, Нича. – Отвезите... Там... лекарства...

– Ты слышал? – резко обернулась Соня. – Вот теперь твоя помощь нужна. Умеешь водить машину?

– Умею, – кивнул Нича. И добавил почти беззвучно: – Вроде бы...

– Что? – вновь обернулась девушка. – Так умеешь или нет? Витя!..

– Умею! – быстро выкрикнул Нича и метнулся к двери. Не хватало еще, чтобы этот трусливый Витек оказался шустрее и здесь! Ну уж нет!.. Конечно, сам Нича машину водил – если это можно было назвать вождением – раза два, да и то шутки ради. Причем один из этих двух случаев вспоминался с трудом, тогда они здорово отметили на природе день рождения приятеля, а потом рассекали по лугам и полям на его же машине, в результате чего праздник тому обошелся недешево – с учетом ремонта автомобиля... Но по крайней мере педаль газа от педали сцепления Нича умел отличать, а поскольку дороги сейчас были пустыми, задавить кого-нибудь он не боялся.

Не с первого раза, но завести «ГАЗель» ему все-таки удалось. Витек сунул голову за перегородку водителя, но Нича так рыкнул на него, что больше тот не высовывался.

Тронулся же он и вовсе замечательно. Не учел, правда, что автобус стоял поперек дороги, поэтому чуть не съехал в кювет. Но затормозил вовремя, нашел, как включается задняя передача, и вырулил-таки на шоссе. «Ничо так», – буркнул под нос и даванул педаль газа. Долго ехал на третьей передаче, привыкая к процессу вождения, но потом все же решился и перешел на четвертую. Быстро гнать он, конечно, опасался, но и при семидесяти километрах в час крайние городские дома, до которых вначале было около километра, приближались довольно уверенно.

Въехав в город, Нича притормозил и выглянул в салон.

– А куда ехать-то?

– Я не знаю, – ответила Соня. – Она опять без сознания.

– Ну, поройся у нее в сумочке, может, там документы есть. Посмотри адрес.

– Я не вижу здесь сумочки...

– Вот она, тут, – подал голос Витя. – Она ведь в этом кресле сидела. Это я потом ее туда перенес, когда ей плохо стало.

Парень встал, прошел к первому от двери сиденью, взял оттуда и протянул девушке сумочку. А Ниче стало вдруг очень стыдно. Витек-то, оказывается, не такой уж никчемный,

как он подумал. Как бы ни было ему страшно и неприятно, но женщине он сначала помог, а уж комплексовать начал после.

– Есть, есть паспорт! – раздался радостный Сонин возглас. – Слушай адрес...

* * *

Нужный дом Нича нашел быстро. И к подъезду подрулил лихо, как заправский таксист – чтоб из двери в дверь. Только вот было уже поздно. Женщина все-таки умерла.

– Что будем делать? – побелевшими губами спросила Соня, испуганно переводя взгляд с Ничи на Витю. Тут уж сам бог велел Ниче брать инициативу в свои руки.

– Все равно надо ее домой отнести, – командным голосом объявил он. – Не оставлять же на улице. – Потом добавил, чуть снизив тон: – И не возить же с собой... – Затем он снова взял на себя роль командира: – Ты, Соня, найди ее ключи и беги открывать дверь. А мы с Виктором... Короче, Витек, выбирай: за руки или за ноги потащишь?

Судя по Витиной бледности, он бы выбрал какой-нибудь третий вариант, не связанный с конечностями и прочими частями тела покойницы, но выбирать было больше не из чего.

– За руки, – лязгнул он зубами и сразу сжал их покрепче.

– Учти, это не лучший вариант, – пожалел парня Нича. – Покойников носят ногами вперед, так что тебе на нее все время смотреть придется...

– Тогда за ноги, – поспешно выпалил Витя.

К счастью, жила их недавняя попутчица на втором этаже. Но и этот короткий путь едва не закончился для Виктора обмороком. Лишь только они с Ничей свалили печальную ношу на диван, как парень чуть не пристроился рядом.

Пришлось его срочно вести – почти что нести – в соседнюю комнату, где, к счастью, стояла кровать, и отпаивать холодной заваркой, которая нашлась в чайнике на кухне. Туда же, для профилактики, Соня капнула немного коньяку, початая бутылка которого обнаружилась там же.

Себе они, обосновавшись на кухне, тоже плеснули по чуть-чуть, но уже в рюмки. И, разумеется, без заварки.

– Не чокаясь... – сказал Нича, поднимая рюмку.

Соня, не ответив, кивнула и, словно водку, разом опрокинула в рот жидкость. Задержала дыхание, потом резко выдохнула, поставила рюмку и сжала ладонями вмиг заалевшие щеки.

Нича тоже опустил на стол рюмку. Пожевал губами, поводит носом и выдал:

– Ничо так. В самый раз под настроение.

– Налей еще, – попросила Соня.

– Ладно, – ответил Нича и налил.

– И Витю позови.

– Его-то зачем? Помрет еще тоже...

– Не надо, Коль, – дотронулась до Ничиной ладони Соня. От этого прикосновения и от того, что Соня впервые назвала его настоящим именем, Ничу прошибло жаром так, словно он только что выхлестал в одиночку всю бутылку.

– Ладно, – просипел он, поскольку голос внезапно пропал. Но тут же прокашлялся и переспросил: – А все-таки зачем?

– Я вам сейчас расскажу что-то.

От того, каким безжизненно-тусклым голосом произнесла это Соня, Ниче стало непередаваемо страшно. Не переспрашивая, он почти выскочил из кухни и столкнулся нос к носу с Виктором.

– Куда вы делись-то? – чуть не плача, залепетал парень. – Я думал, вы ушли уже, а меня тут... с ней бросили...

– Никто тебя не бросал, что ты несешь? – зарычал Нича. – Я как раз за тобой иду. Пошли, дело есть.

– А... зачем? А... куда? – испуганно заморгал Витя. – Может, не надо?

– Ну вот, на тебя не угодишь, – скривился Нича. – Пошли, пошли. Не укусим. Может быть, даже нальем, если вести себя хорошо будешь.

Когда они вошли на кухню, Соня сидела в прежней позе – сжав ладонями щеки. Только они были теперь не алыми, а фарфорово-бледными, как в тот первый раз, когда Нича сравнил ее с куклой. И рюмка перед ней была снова пустой.

Соня перехватила взгляд Ничи.

– Не бойся, я не алкоголичка, – сказала она. – Я почти вообще не пью. Просто сейчас мне... надо. Налей себе и Вите. А мне – самую капельку.

– Мне не надо, – попятился Виктор. Видимо, он тоже почуял в Сонином тоне что-то не очень хорошее.

– Надо, Витя, надо, – выдала девушка интерпретацию классической фразы. Только она не вкладывала сейчас в нее ни толики юмора. – На трезвую голову слушать то, что я вам сейчас расскажу, не годится.

У Ничи мурашки побежали по коже. Захотелось даже отряхнуться. Но вместо этого он взял бутылку и разлил остатки коньяка по рюмкам. Хватило им с Витей по полной и на половинку для Сони.

Выпили молча, по-прежнему не чокаясь. Даже Виктор перестал возмущаться и спорить, смирившись, по-видимому, с судьбой. А потом Соня обвела совершенно трезвым взглядом ребят и спросила:

– Готовы?

Нича кивнул. Витя пожал плечами. На Соню тот и другой почему-то старались не смотреть. Девушку это, похоже, вполне устраивало. Она тоже отвела взгляд к окну и выдохнула:

– Нормалек... – Помолчала еще пару мгновений, тряхнула головой и сказала: – Ну, во первых, Коля, ты уже понял, что твоя теория развалилась?

– Насчет того... – Нича бросил взгляд на Виктора и закончил вполголоса: – ...что мы умерли?

– Да.

– Понял. Мертвые не умирают. А у тебя, как я вижу, появилось новое объяснение?

– Оно у меня уже давно появилось. Почти сразу. Как только ты сказал, что, кроме нас, никого больше нет. – Голос Сони на протяжении фразы становился все тише, и слово «нет» она обозначила одним лишь движением губ.

– Ничо так!.. А почему ты до сих пор молчала? – спросил Нича без особой, впрочем, обиды. Мало ли, в конце концов, что могла выдумать Соня. Вот если бы она знала наверняка!..

Девушка словно подслушала Ничины мысли.

– Потому что во всем виновата я. И я... Я боялась в этом признаться. До последнего надеялась, что найдется иное объяснение. Но его не могло быть. Потому что я знаю причину. Знаю наверняка.

– Соня!.. – дернулся Нича к девушке, но та выбросила ему навстречу растопыренные ладони:

– Стой, Коля! Не перебивай! Иначе я так и не решусь.

Нича опустил на табуретку.

– Хорошо, – буркнул он, – я не буду. Но и ты раньше времени себя не казни. Расскажи все, не бойся. Мы пойдем. Постараемся понять. Так ведь, Витя?..

Он бросил на парня столь красноречивый взгляд, что тому не оставалось ничего иного, как согласно кивнуть.

– Тогда молчите. Очень вас прошу: молчите, пока я не закончу. А потом... судите. Делайте со мной все, что сочтете нужным.

При этих словах Витя пошевелился. Возможно, всего лишь хотел сменить позу. Но получил такой тычок Ничиным локтем под ребра, что громко охнул и сжался.

– Вот так и сиди, – зашипел сквозь зубы Нича. – Еще дернешься – пойдешь отдыхать в соседнюю комнату. На диванчик. Кое к кому под бочок. – Потом он посмотрел на Соню и прижал к груди руку: – Извини, Соня. Все, мы уже молчим. Начинай.

– Во-вторых, – будто и не было никакого перерыва в разговоре, продолжила Соня, – все случилось с точностью до наоборот. Умерли те, кого не оказалось в маршрутке после аварии.

Нича чуть было не ляпнул любимое «ничо так», но вовремя вспомнил про данное обещание и даже прикрыл рот ладонью.

– Только они умерли в том, окончательном, мире, а мы оказались... в его декорациях. Я поясню сейчас, только не перебивайте! – замотала головой Соня, хотя никто и не думал ее перебивать. Нича лишь обругал себя мысленно за то, что столь послушно реагировал на Сонины просьбы насчет «налить еще».

– Дело в том, – продолжила девушка, – что как такого мира не существует вообще. Точнее, не так... Он существует, но только лишь после того, как приснится... отдельным людям. Я понимаю, что в это трудно поверить, это невозможно понять и осознать до конца. Я сама почти ничего не понимаю, хотя я... я как раз и есть одна из них. Конечно, можно сразу спросить: а откуда взялись мы, кому же в таком случае снимся мы сами? Отвечаю: не... зна... ю!.. Не знаю – и все тут. Меня никто не спрашивал, хочу ли я быть тем, кем я стала.

И Соня, запинаясь, кусая губы, перескакивая с одного на другое, поведала им нечто такое, что и присниться-то бы не могло, хотя речь в ее рассказе шла именно о снах. О тех, которые она видела с самого детства. И которые были неотличимы от настоящей жизни, хотя Соня все-таки понимала, что это именно сны. Но из них же она знала и то, что все, что ей снится, происходит с приснившимися людьми на самом деле.

В детстве ей в основном снились дети, потом – и дети, и взрослые. А также кошки, собаки, голуби... «Все, что нас окружает, кроме самих декораций, – пояснила Соня, взмахнув рукой. А потом и словами добавила: – Ну, то есть, кроме зданий, деревьев, снега, травы, самой земли...» Это все ей тоже снилось, но изначально оно приснилось уже другим спящим.

Как понимала Соня, таких уровней и подуровней очень много. Она придумала для себя и себе подобных определение – «снотворители мира». И считала, что их, снотворителей, тоже должно быть очень много, потому что и сам мир отнюдь не маленький. А они должны были еще и перекрывать друг друга. Ведь снотворители – такие же обычные смертные, как и все остальные. Могли заболеть, устать, умереть, хоть это выглядело нелепо и странно – ведь сами они, а значит, их болезни и смерти тоже кому-нибудь снились.

Соня призналась, что в эти дебри она старается не лезть – не с ее, дескать, мозгами в них разбираться. Да от нее никто этого и не требовал. Что удивительно, от нее вообще никто ничего конкретно не требовал. Просто она, когда спала, видела сны. И тем самым творила мир. Маленький его кусочек. А когда просыпалась – ее сны подхватывал кто-то другой. Как и она подхватывала чьи-то. В чем-то это было похоже на сотовую сеть. Или на компьютерную, вроде интернета. Ведь когда один сервер выходит из строя или, например, рвется кабель – сеть все равно продолжает работать. Просто функции временно выбывшего берет на себя другой участок сети. Примерно то же, по Сониному мнению, происходило и у снотворителей. Но всем известно, что как бы ни была защищена от сбоев система, какой бы

продуманной и продублированной она ни являлась – накладки и сбои все равно временами случаются. И у сновтворителей, по словам Сони, тоже.

– Нежелательно, например, чтобы мы спали вместе... – пояснила она и, сразу же покраснев, замахала руками: – Не в том, конечно, смысле!.. Ну, вы понимаете... В том, я думаю, можно... А вот в самом прямом – нельзя. Даже рядом нельзя. Потому что нам будет сниться одно и то же. Точнее, про одно и то же, но разное. А это уже явный сбой.

Но и от подобного, по ее словам, существовала защита – второму сновтворителю просто не удалось бы заснуть, если в недопустимой близости один уже спал. Но и здесь были исключения. Например, когда один из них должен был... умереть. Конечно, сами они этого не знали, но ведь кому-то из более верхнего уровня это уже в тот момент снилось. Значит, ему обязательно должно было присниться и то, как кто-то другой подхватывает оборванную связь. А чтобы это произошло плавно, без скачков и перекосов, которые многие и принимают за паранормальные явления, если они все-таки случаются, «дублер», которому предстояло перехватить сновидение, должен спать рядом с первым.

– Сегодня этим дублером должна была стать я... – закончила свой невероятный рассказ Соня.

– Что?! – не выдержал все-таки Нича. – А кто должен был умереть? Та, из соседней комнаты?..

Соня, похоже, не рассердилась за то, что ее перебили. Наоборот, Ниче показалось, что она заметно обрадовалась. Скорее всего потому, что увидела, как горячо отреагировал он на ее рассказ. Ведь это могло говорить о том, что он ей... поверил. А он ей и правда поверил. Пусть не окончательно еще, не на осознанном уровне, но в глубине души – или подсознания, или что там есть у приснившегося кому-то существа? – он понимал уже, что Соня говорит правду. Или то, что она принимает за правду... Ведь сама же она и призналась, что всей сути происходящего не знает тоже.

Как бы то ни было, Соня посмотрела на Ничу с улыбкой. С едва заметной – дрогнули лишь уголки губ да чуть больше синевы плеснулось из глаз, – но и этому Нича был рад. А Соня сказала:

– Конечно же, нет. Ведь она умерла уже после случившегося. Я даже не знаю, кому могла присниться ее смерть... – Девушка нахмурилась вдруг и дрогнувшим голосом закончила фразу: – И кому снится то, что происходит с нами сейчас...

– А тогда должен был умереть здоровенный такой мужик с большими залысинами! – догадался вдруг Нича. – Ведь вы оба с ним спали. Одновременно...

– Да, наверное, – пожала плечами Соня. – Я ведь говорю: мы не знаем друг друга. А тогда я просто должна была перехватить сон. Но первая накладка была вызвана тем, что умер тот человек в той же самой аварии, в которой оказалась и я. Я ведь не могла продолжать спать после столкновения! Впрочем, если бы я впала в кому... – Девушка задумалась, но ненадолго. – Однако же я в нее не впала!.. А вторая накладка состояла в том, что я все-таки успела на мгновение перехватить его сон, но вместо того, чтобы просто продолжать его смотреть, жить в нем, как и в обычной жизни, не дергаясь, не пытаясь совершить невозможное, я ужаснулась увиденному и захотела все изменить. Каким-то образом у меня это получилось. Начало получаться. Но то ли оттого, что я «незапланированно» проснулась и мой сон не успел сформироваться в окончательную реальность, то ли потому, что он был «сбойным» по сути, мы с вами и выпали из той реальности... Вы уж простите меня. Если можете.

– Ничо так! Да за что же тебя прощать?! – подскочил Нича. – Ты же хотела нас всех спасти! Да ты и спасла! Ведь «той» реальности теперь просто нет!..

– Почему? – вздернула брови Соня.

– А кто же там перехватил сон этого... лысого? Должна была ты, но ты не смогла. То есть и не могла даже в принципе! Кто же тогда? Был, что ли, еще дублер?

– Явного, наверное, не было, но я ведь говорю – надежность у этой «сети» очень высокая. Ведь ячейки ее постоянно меняются, я бы сказала – мигают. Кто-то просыпается до того, как засыпает тот, кто должен его «перекрыть», кто-то не успевает заснуть вовремя... Тогда «эстафету» подхватывает кто-то еще, даже скорее всего не один. Несколько снотворителей просто добавляют к своим снам по дополнительному кусочку – вот и заштопана «дырка»!

– Почему же нас не «заштопали»? – подал вдруг голос молчавший до сих пор Виктор. Спросил и с опаской покосился на Ничу. Но тот уже забыл про свои угрозы. До них ли, когда творится такое?.. Мало того, он даже поддержал парня:

– А правда, Соня, почему?

– Может, и «заштопали».

– Ничо так!.. – вскинулся Нича. – А чего же тогда?.. – неопределенно повел он рукой.

– Нас, я думаю, в том, настоящем, мире «заштопали». А отсюда просто «вычистить» не успели...

– Ага, среди декораций мусору не место! – усмехнулся Нича.

– Да... – сказала Соня и зевнула. – Я вообще удивляюсь, что мы здесь... так долго. – Она снова зевнула.

– Слушай, Соня, – пристально посмотрел на девушку Нича. – Да ты же едва держишься! Иди-ка поспи.

– Да нет, что ты, все нормалек!.. – замахала руками Соня, но при этом действительно покачнулась и чуть не упала с табуретки. – Ой!.. Я и правда... того... Устала очень. Да еще коньяк этот...

Девушку, что называется, «развезло» прямо на глазах. Сказались, конечно же, и усталость, и стресс, и коньяк. Но, вероятно, более всего – тот груз вины, что она держала в себе, а теперь вот выложила все – и поддерживающий ее стержень надломился.

Соня уронила рыжую голову прямо на стол, неловко подвернув под нее локоть. Нича кинулся к девушке и поднял ее на руки. Витя тоже подскочил к ним и заметался вокруг, пытаясь схватить Сонины ноги.

– Я те дам! – цыкнул на него вполголоса Нича. – Иди лучше двери открой.

Парень бросился к кухонной двери и распахнул ее. Пару мгновений потоптался и побежал открывать следующую – в комнату. Нича последовал за Витей, бережно прижимая к себе Соню.

Уложив девушку на кровать, где до этого приходил в себя Виктор, Нича обернулся, ища глазами парня. И тут же услышал взволнованный Витин голос из соседней комнаты:

– Нича!.. Иди сюда...

– Ничо так, – буркнул Нича. – Он уже мною командует!.. – Но из комнаты, оглянувшись на спящую Соню, все-таки вышел.

– Чего орешь? – зашипел он на парня. – Дай поспать человеку!

Витя же, бледный до синевы, вытаращенными глазами показал ему куда-то за спину. Нича обернулся. У стены стоял знакомый диван. Пустой.

– Ничо так!.. – запустил он пятерню в растрепанные волосы. – «Чистка», что ли, началась?

И тут за окном послышался шум. В полнейшей, нереальной тишине он показался настолько неуместным, что оба парня синхронно вздрогнули.

– Ничо так... – вновь произнес Нича. – Похоже, я ошибся насчет чистки... Скорее, наша покойница не до конца упокоилась.

Витя в это время уже подскочил к окну и, встав на цыпочки, разглядывал что-то внизу.

– Екарный бабай! – заверещал вдруг он. – Да она нашу микрушку угнала!..

4

Лесник Борис Тюрин возвращался ранним утром на кордон из деревни, где жила его мать. Мотор старого «Урала» довольно урчал, под колеса мотоцикла услужливо стелилась обсыпанная хвоей лесная дорога, а сосны по ее бокам, не давая пробиться лучам низкого еще, послерассветного солнца, создавали ту волнующую атмосферу умиротворения и покоя, которую Борис ни за что бы не променял на сомнительный уют городских квартир.

Лесник чуть скосил взгляд вправо. Юрс, волк-перевояк, застыл серым сфинксом в коляске и, судя по выражению морды, тоже наслаждался поездкой. За два с половиной года, с тех пор, как слепым щенком он взял его из логова, Борис научился понимать волчью мимику не хуже человеческой. Особенно теперь, когда Юрс стал уже не просто волком.

Зверь почувствовал взгляд и повернул крупную лобастую голову. Пристальный взгляд умных, но холодных и колючих, словно битый лед, глаз наверняка заставил бы поежиться многих, но Борис давно знал эту особенность волчьего взгляда – полного собственного достоинства и в то же время предельно внимательного, фиксирующего любое движение вокруг. Уши волка дрогнули и застыли торчком.

– Потерпи, скоро приедем, – сказал Борис. Юрс отвел взгляд и вновь стал смотреть на дорогу. Его высокомерное спокойствие и монументальная поза словно говорили, что терпения у него хватит не на одну еще такую поездку.

Тюрин усмехнулся, вспомнив, как поначалу реагировал волчонок на мотоцикл. Шерсть его вставала дыбом, зубы обнажались в свирепом оскале, стоило ему хоть издали увидеть это воняющее и рычащее чудовище. Усадить звереныша в коляску вообще стоило невероятных усилий и покусанных рук. Но довольно быстро Юрс понял, что удовольствие от езды на этом чуде стоит того, чтобы смириться с его мерзким запахом и невразумительным рыком. И теперь уже он первым запрыгивал в коляску, откровенно обижаясь, если хозяин отказывался его покатать.

Все-таки странно, думал Борис, с чего ему пришло в голову взять себе волчонка. Словно толкнул кто под руку, когда вышел он тогда на волчье логово. Полез, взял одного из четверых щенков, не выбирая даже, будто знал, что именно этот ему и нужен. Сунул пищавший бурый комочек за пазуху и пошел назад, не оглядываясь, хоть и знал, что волчица за ним из укромного места внимательно наблюдает. Но Тюрин, будучи лесником, знал: мать не станет защищать малышей и ничем себя не выдаст – очень уж боится человека. Тем более трех-то щенков он ей в утешение оставил.

Подумав еще, Тюрин в очередной раз пришел к выводу, что ничего и никогда не происходит просто так. Впрочем, уж кому-кому, а ему и размышлять на эту тему было незачем, он и так это хорошо знал. Но порассуждать сам с собой, пораскидывать мысли-карты в логическом пасьянсе Борис любил. Видимо, в силу уединенного обитания и редкой возможности пообщаться с людьми. Но как раз сегодня такая возможность будет ему предоставлена. Тюрин с самого утра это чувствовал, даже более – знал. Впрочем, предстоящая встреча не обещала философских разговоров. Мало того, тема предстояла наверняка неприятная, но таковой уж являлась специфика его второй работы, где в отличие от первой с приятными вещами по определению не могло быть никаких дел.

Борис снова задумался. Вторая работа? А может, вторично все же лесничество? И все остальное вообще? Да и работа ли это, по сути? Скорее уж – предназначение, смысл его существования в принципе. Впрочем, о работе лесником он мог бы сказать то же самое.

* * *

Поставив мотоцикл в сарай, Тюрин отвел Юрса в вольер. Собственно, в этом не было особой необходимости, но с учетом того, что кордон располагался не где-нибудь в глухой тайге, а довольно близко от людских поселений, вероятность того, что сюда забредет заплутавший грибник, была достаточно велика. И встреча один на один со свободно разгуливающим волком могла бы принести лишние неприятности обеим сторонам.

Покормив собак – помимо волка, он держал еще двух лаек, – Борис направился к дому и почувствовал вдруг: вот, вот оно! Случилось нечто, предчувствие чего и одолевало его с рассвета. Он бросил взгляд на часы: восемь сорок. Что ж, добираться сюда из города часа полтора, да пока еще поймут, разберутся... В общем, раньше одиннадцати ждать гостей вряд ли стоит. Можно было бы и лечь, попытаться заснуть, возможно, что-то при этом узнать самому, но любое новое дело Тюрин предпочитал начинать с чистого листа. Сознание должно быть прозрачным, не замутненным никакими догадками и непроверенными версиями. Тот, кому следует, его во всем просветит. А потом уже он, сделав нужные выводы, все внимательно просчитав и взвесив, даст необходимые вводные Юрсу. Что ж, волчонок, пришел, похоже, и твой час показать, на что ты способен!

«Тот, кому следует» не появился ни в одиннадцать, ни в двенадцать. Борис уже собрался обедать, когда услышал вдали шум мотора. Он вышел во двор, подошел к изгороди и вынул из пазов три толстые жерди, заменявшие «забору» ворота. Подождал, пока пыльная, непонятного цвета «десятка» заедет во двор, и водрузил жерди на место.

Из машины вышла женщина. Ей вряд ли было меньше пятидесяти, но сейчас Тюрин готов был ей дать и все шестьдесят – настолько она выглядела измученной, помятой и тоже словно бы «пыльной».

Борис провел гостью в дом.

– Обедать будете? – кивнул он на частично накрытый уже стол.

– Потом, – сказала женщина. – Мне бы попить. Воды, желательно.

Тюрин зачерпнул ковшом из стоявшего на табурете ведра. Вода была ключевой, но уже не очень холодной – он набрал ее утром. Женщина осушила ковш в несколько глотков и попросила еще. На сей раз она пила медленно, а напившись, спросила:

– Где ваш зверь?

– Юрс? В вольере. Привести?

– Потом, – снова сказала женщина. – А почему такое имя?

«Ты бы сама сначала для порядку представилась», – неприязненно подумал Борис, но вслух, разумеется, своего раздражения не выдал.

– В память о погибшем друге. Его звали Юрий Семяцкий. Сокращенно – Юрс.

– Вот как? – поджала губы женщины. – А как он погиб?

«А твое какое дело?» – захотелось сказать Борису, но он снова сдержался и подчеркнуто спокойно ответил:

– Никто не знает. Он погибал уже столько раз и версий о причине его окончательной гибели так много, что верить можно лишь в одно: его нет в живых.

– Он что, воевал в горячих точках?

Тюрин на сей раз оставил ее вопрос без ответа. Вот это уж точно было не ее дело! Вместо этого он сказал:

– Юрс жив и готов к работе. Поговорим о деле или сначала все-таки пообедаем?

* * *

Гостья выбрала дело. И посвятила ему больше часа. Борис давно понял, что от него требуется, а она все повторяла и повторяла, возвращалась к каким-то несущественным деталям и, что больше всего не понравилось Тюрину, придавала им эмоциональную окраску. Если бы он точно не знал, кем является эта женщина, то, пожалуй, усомнился бы в ее профессионализме. В их деле – не место эмоциям и личным оценкам происходящему. Но такова уж, видать, была у этой особы натура, так что приходилось попросту терпеть и слушать.

Правда, Борис набрался-таки наглости и под наставления женщины (имя она так и не назвала, а спрашивать он принципиально не стал) сел за стол и принялся обедать. Вид аппетитно жующего человека пробудил, видимо, и в гостье чувство голода, но она сначала закончила инструктаж, затем велела привести волка и лишь после этого попросила обеденную порцию для себя.

Борис присел на лавку возле стены и, положив ладонь на лобастую голову Юрса, приготовился ждать.

– А чего ж вы не начинаете? – продолжая жевать, махнула в их сторону ложкой женщина.

– Вы пообедаете, я вас провожу, и мы начнем.

– Нет-нет, я должна присутствовать! Я обязана лично все координировать!

«Ну-ну, координируй, координатор!» – мысленно огрызнулся Тюрин, но перечить, конечно же, не стал.

– И учтите, – сказала, сузив глаза в злобно сверкнувшие щелочки, женщина, – этот гад очень силен. Он заблокировал меня полностью, а потом вышвырнул оттуда, какдохлого щенка.

– Я учту, – кивнул Тюрин. – Я всегда отношусь к противнику серьезно.

Он откинул голову, прижался затылком к стене и закрыл глаза. А когда примерно через полчаса открыл их, посадил напротив себя Юрса и, взяв его морду в ладони, заглянул в колючую темноту волчьих зрачков.

На все про все у Тюрина ушло около часа. Женщина, разумеется, давно закончила есть, что было очень кстати. Иначе, судя по ее реакции, она бы наверняка подавилась, когда волк, после того как Борис отнял от его морды руки, выдал утробно-низким хрипом:

– Юрс готов!..

5

– Что будем делать? – первым нарушил затянувшееся молчание Геннадий Николаевич.

– Для начала – обедать, – сказала Зоя Валерьевна неожиданно спокойным голосом.

Геннадий Николаевич покосился на супругу, ставшую почти прежней, будто ничего и не случилось или случилось, но уже благополучно кончилось и забыто. И все же, прожив вместе почти тридцать лет, он умел определять истинное состояние жены. Сейчас она постаралась взять себя в руки, и получилось это в общем-то неплохо. Но покрасневшие глаза, напряженные губы, пытающиеся изобразить на бледном лице улыбку, побелевшие костяшки сцепленных пальцев лучше всяких слов говорили о том, что на самом деле происходит в ее душе, какие чувства ее переполняют.

– Рано вроде бы еще обедать, – мягко опустил руку Геннадий Николаевич на ладони супруги. – Да и аппетита нет.

– Вот кофейку бы не помешало, – сказал Ненахов.

– И кофейку тоже. Но без обеда я вас не отпущу, как хотите, – поднялась с дивана Зоя Валерьевна и направилась к кухне. – Подождите минут десять.

Дождавшись, пока за супругой закроется дверь, Геннадий Николаевич подался к другу:

– Игорь, ты все сказал? Только честно!

– Все. И сделал все, что от меня зависело: мои ребята, если что узнают, сразу сообщат. Правда, там моих-то двое и осталось всего... Да и эфэсбэ эта!.. Там, как ты понимаешь, у меня никого. А дело они себе забрали. Так что...

– Так что же, – вскочил Геннадий Николаевич, – мы так и будем сидеть и дожидаться неведомо чего?!

– А что ты предлагаешь? Заняться расследованием самим?

– Хотя бы! Ты ведь все-таки...

– Да никто я теперь, – перебил Ненахов и поморщился.

– Но ведь знания, опыт никуда не делись!

– Да что толку, – вновь поморщился бывший полковник. – Что толку от знаний и опыта без должного обеспечения? Элементарных анализов не сделать, не говоря уже о компьютерных базах данных!..

– Ну, кое-какие можно достать... – смущенно пробормотал Геннадий Николаевич.

– Достать! – фыркнул Ненахов. – То, что это противозаконно, второй вопрос. Но главное: левые базы – они и есть левые... Кстати, о законности. Я не имею права брать у кого бы то ни было показаний, а тем более – кого-либо допрашивать. Так что не надо преувеличивать мои возможности.

– Но твои ребята... Ты ведь говоришь, что есть парочка. Они ведь могут... того... Помочь и с анализами, и с базами данных, если что.

– Ну ты даешь! Да их же попрут со службы, если заметят, что левыми делами занимаются! А если узнают, что теми же самыми, что и эфэсбэ!.. Нет, Гена, ты извини, но я своих друзей никогда не подставлял и не собираюсь. Даже согласившись меня информировать, они рискуют. Но это уже дело техники, ребята не дураки.

– Короче говоря, ты отказываешься, – скорее утверждая, нежели спрашивая, выдал Геннадий Николаевич.

– От чего я отказываюсь, дурья твоя голова? – хлопнул по коленям ладонями Ненахов. – Я глупости совершать отказываюсь! И объяснить тебе хочу, что я не всемогущ, чтобы ты не надеялся на меня, как на бога.

– Значит, все-таки... будем? – с надеждой посмотрел на друга Геннадий Николаевич.

– Что будем?.. – недоуменно нахмурился тот.

- Вести собственное расследование?
- Тыфу на тебя! Говоришь ему, говоришь... – махнул рукой Ненахов.
- Давай хотя бы на место аварии съездим! – взмолился Бессонов.
- А кто тебе сказал, что мы туда не поедem?
- Ты... Ведь ты же говоришь, что расследованием...
- Тыфу на тебя еще раз! – перебил отставной розыскник. – Расследование и осмотр места происшествия – это две разные вещи.
- А! – радостно вскочил с дивана Геннадий Николаевич. – Тогда все хард-рок! Тогда поехали!
- Куда поехали? – заглянула в комнату Зоя Валерьевна. – А ну-ка, обедать!

* * *

Обед наверняка был вкусным – по-другому супруга не готовила, – но спроси у Геннадия Николаевича, что он только что ел, вряд ли бы он вспомнил. Мысли занимали как переживание за сына, так и нетерпение поскорей заняться делом. Хоть умом он и понимал, что осмотр места аварии вряд ли поможет найти Ничу, но эмоции брали свое. Это было все-таки лучше, чем поминутно вскакивать с дивана и нарезать круги по комнате.

Зоя Валерьевна, услышав, куда собрались мужчины, попросилась сначала с ними, но, еще не дождавшись отказа, замахала руками:

– Нет-нет, езжайте одни! Я вам лишь мешать стану... Ты мне только сразу звони, Гена, как что-то узнаешь, хорошо? Нет, ты мне в любом случае звони время от времени, а то я изведусь тут...

– Хорошо, милая, хорошо, – поцеловал жену Бессонов и за рукав потащил Ненахова из квартиры. Тот всего лишь и успел, что кивнуть хозяйке на прощание и поймать в ответ взгляд, полный мольбы и надежды.

* * *

Ненахов остановил «Волгу» метров за триста от места аварии.

– Мы ведь не доехали, – недоуменно посмотрел на друга Геннадий Николаевич.

– Не стоит афишировать, чем мы интересуемся, – пояснил тот. – Вполне возможно, что место происшествия под наблюдением.

– Эфэсбэ? – спросил Бессонов, на что Ненахов даже не стал отвечать, лишь вздохнул, скосив на товарища взгляд:

– Вообще-то ты бы посидел в машине... Один я меньше привлеку внимания.

– Ну уж нет! – поспешно распахнул дверцу и полез наружу Геннадий Николаевич. А когда друг тоже покинул машину, пояснил: – Я не смогу тут, Игорь!.. Когда... вот... рядом совсем...

– Ладно, – кивнул Ненахов и запер «Волгу». – Только постарайся вести себя неприужденней, головой особо не верти. Мы с тобой просто гуляем.

– Здесь? – округлил глаза Геннадий Николаевич и повел рукой. Пейзаж и впрямь мало подходил для прогулок. Справа – пыльные от близкой дороги трава и низенькие чахлые кустики, слева – неопрятный пустырь с кучами строительного мусора, чуть дальше – серые ряды гаражей и редкие бетонные коробки производственных зданий, обнесенные бетонным же грязно-серым забором.

– М-да... – оценил картину бывший полковник. – Ну тогда мы идем в автосервис, – указал он на одно из серых зданий вдали. – На всякий случай и впрямь придется дойти, недалеко. Лучше перестраховаться, чем иметь дело с этой конторой.

– Чего ж мы тогда машину бросили и пешком поперлись? Разве это подозрительным не покажется?

– Так она сломалась. Вот мы в автосервис и идем. По-моему, логично как раз.

– Ну-у... – развел руками Бессонов. – Тебе видней. Ты у нас сыщик.

– Бывший! – поднял палец Ненахов. – А сейчас я – вообще никто. Простой пенсионер-автолюбитель. О себе можешь сказать правду. Кроме того, что ты отец участника событий.

– Кому сказать? – заморгал Геннадий Николаевич.

– Им, – неопределенно мотнул головой Ненахов. – Ты же сам говорил.

– А-а!.. – протянул Бессонов. Вообще-то ему мало верилось, что кто-то сидит в этих грязных кустах и неведомо чего или кого ожидает. Впрочем, он тут же вспомнил о спутниках-шпионах и прочих технических чудесах спецслужб, что вызвало на его лице невольную улыбку. Ага, эфэбэшникам нечего больше делать, как через спутник следить за двумя старыми пердунами! Не совсем еще, конечно, старыми, но... Эдакие Неуловимые Джо из древнего анекдота. Потому неуловимые, что на хрен никому не нужны, вот их и не ловят.

– Ты чего лыбишься? – глянул на него друг.

– Анекдот вспомнил.

– Про Неуловимого Джо?

– А... как ты?!.

– Мастерство не пропьешь, – не вполне понятно констатировал Ненахов и кивнул: – Пошли.

И они пошли. Неспешно, как и договаривались. Вот только не крутить головой у Геннадия Николаевича не получалось – хвостик, в который были забраны густые, темные с проседью волосы, так и мотался туда-суда. Отставной полковник сделал другу одно замечание, другое, а после третьего махнул рукой. Тем более, как он сумел определить, за местом аварии никто все же не наблюдал. Скорее всего. Лишь редкие автомобили проносились по шоссе с обеих сторон, не сбавляя скорости.

Несмотря на это, останавливаться возле того места, где на асфальте жирно чернели тормозные следы, Ненахов запретил. Друзья просто замедлили шаг, разглядывая место происшествия, как сделал бы на их месте любой, слышавший о случившемся и увидевший детали картины. Геннадий Николаевич хоть и не обладал сыщицким опытом, но мыслить логически, хотя бы в силу профессии, умел, а потому убедился, что рассказанное об аварии Ненаховым походило на правду. Длинный тормозной след оставил «КАМАЗ». Причем именно на той полосе, по которой и ехал до этого. Маршрутка же тормознула непосредственно перед столкновением. И произошло это на встречной полосе, то есть на той же самой, по которой ехал самосвал. Вывод один – именно микроавтобус выбросило лоб в лоб «КАМАЗУ», и произошло это быстро и неожиданно для водителя. Причиной могло быть как лопнувшее колесо, так и, например, то, что водитель маршрутки просто заснул. Впрочем, тогда бы ее тормозного следа не было вовсе. Но теперь и оставалось разве что гадать – микроавтобус пропал. Что, собственно, и составляло главную загадку. Такой вот, как говорится, хард-рок.

Геннадий Николаевич почувствовал досаду – тащились они сюда и впрямь напрасно. Он хотел уже было повернуть назад, но друг словно почувствовал это и взял его за локоть.

– До автосервиса, – сказал вполголоса отставной полковник. – Как договаривались.

– Но... – попытался возразить Бессонов, однако друг был неумолим:

– Любая операция должна осуществляться строго по плану, если внешние обстоятельства не вносят в эти планы коррективы.

В автосервисе Ненахов пообщался с мастером, поинтересовался, ремонтируют ли они «Волги», за какое время следует записываться «на прием», задал еще несколько сугубо «автомобильных» вопросов. Бессонов, вспомнив обещание, отзвонился супруге. Разговор

занял не больше минуты – рассказывать было нечего, – и, убрав мобильник, Геннадий Николаевич откровенно заскучал. Он принялся разглядывать полуразобранные, а то и вздернутые подъемником, словно на дыбе, автомобили в большом, как ангар, гараже, освещенном такими же, как на уличных фонарях, люминесцентными лампами. От этого мертвенного света и вида неживых раскуроченных машин, будто вскрытых патологоанатомом трупов, Геннадий Николаевич почувствовал себя неуютно и зябко. Вообще-то он спокойно относился к подобным вещам, являлся даже в какой-то мере любителем «черного юмора», но сейчас явная ассоциация с моргом вызвала у него мурашки на коже и холод вдоль позвоночника. Он поежился и невольно шагнул к выходу. Впрочем, туда уже направлялся и друг.

– Ты чего? – бросил он на товарища внимательный взгляд.

– Так, замерз что-то, – передернул плечами Бессонов. – Пойдем скорей на солнышко.

На улице ему и впрямь стало лучше, даже настроение неожиданно поднялось, словно вместе с лучами земное светило передало ему тайное послание, уверяющее, что сын жив-здоров и вообще все обязательно будет хорошо.

* * *

Если в эту сторону друзья шли по обочине вдоль полосы движения злополучной маршрутки, то назад двинулись по другой стороне дороги. Поравнявшись с местом аварии, вновь замедлили шаг. Но опять ничего интересного не увидели. Не было ни осколков стекла, ни, слава богу, крови – одни лишь черные полосы, оставленные резиной на асфальте.

Геннадий Николаевич шел следующие пять-семь метров, повернув назад голову, словно зачарованный этими черными знаками, перечеркнувшими его спокойную жизнь, а потому не заметил, как неожиданно замер на месте Ненахов, и, разумеется, налетел на друга.

– Ты чего? Говорил же, не останавливаться!

– Посмотри, – проигнорировал возмущение товарища бывший полковник и показал на дорогу.

– Ну, смотрю, – сказал Бессонов. – Ремонт бы не помешал, но бывает и хуже.

– Какой ремонт? – поднял недоуменный взгляд Ненахов.

– Дороги... А ты что имел в виду?

– Вот это. – Ненахов присел и коснулся асфальта в паре десятков сантиметров от обочины.

Геннадий Николаевич огляделся, не попадут ли они под чьи-нибудь колеса, и тоже присел. Теперь и он увидел то, на что показывал друг. Царапина на асфальте. Точнее, выбоина. Сантиметра три-четыре длиной. Судя по всему, свежая. Но он бы ее точно не разглядел, когда шел, даже если бы искал специально. С тем большим уважением он посмотрел на друга:

– Ну и?..

– Пуля, – коротко ответил тот.

– Что?! Какая еще пуля?..

– Пока не знаю, – выпрямился Ненахов и потряхнул руки. – Пойдем поищем.

Геннадий Николаевич тоже встал на ноги, но идти за товарищем не торопился.

– Игорь, – сказал он, – я тебя, конечно, уважаю и как специалиста, и как друга, но, по-моему, ты уже чересчур увлекся. То эфэсбэ за нами следит, теперь еще и террористы объявились!..

– Я ничего не говорил о террористах, – нахмурился Ненахов. – Я лишь увидел на дороге свежий след от пули. Если ты меня уважаешь как специалиста, то поверь в это. А если не можешь поверить, то я тебе скоро это докажу. Надеюсь, она не срикошетила очень уж далеко.

Говоря это, Ненахов еще раз глянул на выбоину, перевел взгляд вдаль, словно проводя мысленную линию, а затем перепрыгнул дренажную канавку за обочиной и, согнувшись, медленно пошел, разглядывая на земле нечто, видимое лишь ему одному.

Если Бессонов и поверил в сам факт существования пули, то уж поверить в то, что ее можно найти среди травы и мусора, он никак не мог. К тому же, как он считал, пуля может улететь очень далеко, за километры, и если друг собирается вот так, почти на карачках, весь этот путь за ней проделать, то домой они не вернутся и к завтрашнему вечеру.

Вслух он, разумеется, ничего Ненахову не сказал, а лишь покорно вздохнул и пошел вслед за другом. Но идти с такой черепашной скоростью ему быстро надоело, поэтому он обогнал Ненахова и уселся на трубе теплотрассы, протянувшейся вдоль дороги. Труба была в изоляционной «шубе», а потому сидеть на ней оказалось мягко и удобно. От нечего делать, не по злему умыслу, а чисто машинально, Геннадий Николаевич начал эту «шубу» расковыривать, благо в ней прямо под пальцами как раз оказалась дырка. И тут его палец наткнулся на что-то твердое внутри изоляции, похожее на камешек. Какое-никакое, а развлечение!.. Он вынул из отверстия камешек и поднес к глазам. Камешек оказался мятым кусочком металла. Он собрался его выбросить, как вдруг мозг программиста выстроил в голове логическую цепочку: «пуля – дырка – кусок металла». Геннадий Николаевич только крикнул и хотел крикнуть другу о находке, но в последний момент передумал. Сбрав волю в кулак, он с невозмутимым видом продолжал сидеть на трубе, пока Ненахов, не разгибаясь, наконец-то дополз до него, а потом разжал перед носом друга ладонь и спросил, нарочито зевнув:

– Эта?..

Отставной полковник быстро схватил кусочек свинца и принялся вертеть его и внимательно разглядывать.

– Так я и думал, – выдал он наконец. – «Эс-пэ пять». Потому и не улетела далеко.

– А для людей? – спросил Геннадий Николаевич.

– Она и для людей тоже! – почти радостно провозгласил Ненахов.

– Я имею в виду, объясни для людей. Что за «эс пять» и что в ней особенного. Помоему, обычный кусок свинца.

– Не «эс», а «Эс-пэ пять», – поправил Ненахов. – Это специальные патроны для бесшумной стрельбы калибром девять миллиметров. Бесшумность достигается в первую очередь за счет того, что скорость такой пули – дозвуковая. Потому я и предположил, что далеко она улететь вряд ли смогла, тем более затормозив о колесо – раз, и об асфальт – два.

– А как ты заранее мог знать, что пуля была именно от такого патрона?

– Во-первых, звука выстрела никто не слышал.

– Ну, как же! А хлопок? Водитель «девяносто девятой» его слышал!

– Хлопок – это лопнула шина маршрутки. От выстрела. А вот самого выстрела не слышали. Ведь стреляли с близкого расстояния, вон из тех кустов, – показал Ненахов на противоположную сторону дороги, – и обычный выстрел услышали бы многие, и отнюдь не как простой хлопок.

– Хорошо. Что во-вторых?

– Во-вторых, я предположил, что стреляли вряд ли из пистолета или из охотничьего, скажем, ружья. Все-таки точность требовалась большая. Вот я и предположил, что тут очень бы подошли бесшумные снайперские винтовки. Или «Винторез», или «Вэ-эс-ка девяносто четыре». Как раз для той и другой подходит этот патрон. Но есть одно «но»...

– Да не тяни ты!

– Обе эти винтовки стоят на вооружении в спецподразделениях силовых структур. Купить такую на базаре, думаю, будет трудно.

– То есть ты хочешь сказать... – округлил глаза Геннадий Николаевич.

– Я пока ничего не хочу сказать. Кроме того, что уже сказал.

– А и не надо ничего говорить, Игорь Степанович, – слышалось вдруг сзади. – И вам, Геннадий Николаевич, тоже. Очень вас прошу, не лезьте в это дело. Право слово, не надо. И отдайте, пожалуйста, пулю.

6

Выскочив на улицу, Нича и Виктор завертели головами, не зная, куда бежать, пока вновь раздавшийся шум не подсказал им нужное направление. Звук был очень знакомый, но в неестественно густой тишине он казался настолько чуждым, что Нича не сразу его узнал.

– Это наша маршрутка! – подсказал Витя. – Побежали?..

– Давай, – кивнул Нича и ринулся на звук.

Выбежав на проспект, он остановился и снова завертел головой. Улица была абсолютно пустынной, не считая тяжело дышащего за спиной Виктора. Звук автомобильного мотора плавал в воздухе, словно в вязком киселе, где-то совсем рядом. Но уловить, где именно, было очень трудно; звук отражался от зданий, отражения отражались еще раз, и еще, и еще – и так, медленно затухая, почти до бесконечности. Ниче уже стало казаться, что целый автопарк устроил гонки по дворам города, избегая встречи с ними.

И тут заорал Виктор:

– Да вон же она, вон!

Нича обернулся. Маршрутка неслась по перпендикулярной проспекту улице. Именно неслась. На совершенно дикой скорости. И когда пересекла проспект в паре десятков метров от них, Нича не успел разглядеть, находился ли кто-то в салоне. Правда, ему показалось, что перед глазами мелькнуло что-то рыжее, но и сама машина была такого же цвета, так что ошибиться было просто.

– Попробуй тут догони!.. – проворчал Витя.

Нича тоже понял, что догнать автобус вряд ли удастся. Да и зачем, собственно? Ну, догонят они его – чисто гипотетически, – ну, окажется, что в нем недавняя «покойница» катается – что само по себе странно, – а дальше-то что?..

Додумать ему не удалось. Теперь оранжевое пятно мелькнуло слева, в глубине проспекта. Разумеется, это была «их» маршрутка. Дико завывая двигателем, словно гоночный болид, она стремительно приближалась к ним. Нича непроизвольно отступил назад. Маршрутка пронеслась совсем рядом, обдав их с Виктором волной теплого воздуха. Перед Ничиными глазами промелькнула большая цифра «6» на стекле автобуса. От скорости она смазалась, и зрение восприняло ее как ряд шестерок... «Вот уж воистину!..» – подумалось Ниче. А еще – ему опять показалось, что за окнами микроавтобуса он заметил что-то рыжее. Но ведь «покойница» не была рыжей! Это... Это Соня рыжая!..

Мысль вспыхнула в мозгу, но не успела сформироваться. Маршрутка возвращалась. А слева... Слева, откуда она только что ехала, тоже несся автобус! Оранжевый. С цифрой «6» в нижнем углу лобового стекла. Эта маршрутка ехала медленней, и Нича решил во что бы то ни стало рассмотреть, кто находится в салоне. И кто сидит за рулем – тоже.

Промелькнула оранжевой молнией та маршрутка, что мчалась справа. Теперь и «левая» была совсем рядом... И тут закричал Виктор:

– Вон еще одна! И еще!..

Оранжевые маршрутки неслись теперь отовсюду. Выруливали с улиц и подворотен, катились и летели по проспекту, наполняя беззвучный доселе город ревом и воем. В тех, что ехали медленней, Нича успел рассмотреть водителей и пассажиров. Водителем везде был... он сам!.. А пассажирами... Пассажирами, точнее, пассажирками была Соня. Десятки, сотни Сонь мелькали теперь у него перед глазами в оранжевых автобусах. И везде они спали.

– Что это за хрень?! – пытаясь переорать дикий шум моторов, вцепился в Ничин рукав Витя.

– Откуда я знаю! – крикнул в ответ Нича, выдернув из пальцев Виктора руку.

На самом деле он знал. Точнее, догадывался. Соне нельзя было засыпать здесь, в «декорациях». Ведь эти декорации кто-то сейчас творил. А кто-то еще в этот же момент работал с ними на других уровнях. Не предполагая в них, конечно же, никакого «мусора». Но «мусор», то есть все они, случайные персонажи чужой пьесы, – это еще полбеды. Хуже было то, что в декорациях оказался и чужой режиссер – спящая Соня! Ведь ей тоже что-то снилось, и Нича даже предполагал, что именно: Соня наверняка пыталась как-то исправить ситуацию. Но ведь она сама говорила, что в снах нельзя что-то менять, их нужно просто смотреть. А тут... Тут теперь такая каша заварилась! В чьих-то снах присутствует кто-то, кто видит совсем другие сны, да еще и пытается их изменить. А ведь еще неизвестно, как сказывается на «снотворении мира» присутствие в декорациях «инородных тел»... Труп, похоже, «снотворителям» удалось отсюда убрать. А вот с живыми получается вообще невесть что. Тем более когда один из живых – такой же, как они...

Возможно, сейчас происходит нечто подобное тому, что кому-то снится, что Соне снится, что она едет в маршрутке и ей снится, что кому-то снится, что Соне снится, что она едет в маршрутке... И так далее по кругу и бесконечности! Или вообще Сонины сны «привязаны» совсем к другому месту. Получается примерно так, что она играет в компьютерную игру по карте совсем от другой игры. Что при этом происходит – трудно даже предположить!

Голова у Ничи пошла кругом. Он попытался представить, каково сейчас тем «снотворителям», что заняты исправлением этого «сбоя». Все они спят, но сон почти каждого – болезнен и беспокоен. Кто-то мечется, многих ломает и крутит... Кто знает, что происходит при этом с остальным, «окончательным» миром?

Он понимал, что истины ему не постичь никогда. Да и какая может быть истина в хаосе? В программной ошибке, компьютерном сбое, наркотическом глюке? Он знал только одно: Соне нельзя здесь спать!

– Бежим назад!.. – заорал он прямо в ухо Виктору.

* * *

Соню он даже не стал будить. Лишь обернул покрывалом, на котором она лежала, и сгреб в охапку. Девушка на миг приоткрыла глаза, брызнув на Ничу небесной синевой:

– Что случилось? Мы приехали?..

– Спи, Нормалек. Все...

– Ничо так?.. – улыбнулась Соня, вновь закрывая глаза.

– Ага, ничо.

Витя оставался на улице. Едва Нича с дорогой ношей выбежал из подъезда, парень замахаил руками:

– Она тут!.. – Увидел спящую Соню, ойкнул, и зашипел, как раскаленная сковородка под струей воды: – Маршрутка тут! На месте! Я даже не заметил, как и когда...

– Не важно, – перебил его Нича. – Это хорошо, что она снова здесь. Значит, мы все делаем правильно.

Он быстро подошел к автобусу, машинально отметив, что тот не выглядит больше новеньким и сверкающим. Почему-то это тоже показалось ему добрым знаком.

Нича, согнувшись, боясь потревожить Соню, осторожно забрался в салон. Уложил спящую девушку на заднем сиденье и сказал взбирающемуся следом Вите:

– Сядь с ней рядом. Придерживай, если что. На сей раз я буду ехать быстро.

– А... куда?..

– Посмотрим, – ответил Нича и быстро покинул салон. Он хотел ответить: «Домой», но очень боялся сглазить. Рассказывать же Виктору о своих догадках и предположениях казалось и вовсе глупым. Ну почему он решил, что если вернется сейчас на место аварии, если

промчится там же, где они ехали утром в момент столкновения, то «КАМАЗ» – или что там было? – вынырнет снова, и все повторится – только с более счастливым исходом? Почему он так верит, что кто-то сверхумный и всемогущий решает сейчас их проблемы? Ответов у него не было. Была лишь дикая надежда и непонятная уверенность в своей правоте. Нича обошел маршрутку спереди, забрался на водительское место и завел двигатель.

* * *

Он и впрямь ехал быстро. В городе еще сдерживал себя, а как только вырулил на шоссе, ведущее к Фабрике, переключился на пятую передачу и вжал педаль газа, что называется, «до пола».

Никаких других маршруток ни в городе, ни на шоссе больше не было. Весь мир, во всяком случае – для Ничи, сосредоточился теперь только в этой. Оранжевой маршрутке номер шесть.

Стрелка спидометра подрагивала возле сотни. Медленно переползла к ста десяти, не останавливаясь, добралась до ста двадцати...

– Ничо так! Ничо... – пробормотал Нича, приближаясь к месту аварии. Ему захотелось зажмуриться – так реально представился мчавшийся навстречу самосвал. Но прошла секунда, другая, еще и еще одна, а ничего не происходило. Вот уже слева потянулись серые блоки гаражей, которые, он хорошо это помнил, находились куда дальше, чем точка их невероятного «перехода».

Проехав еще с полкилометра, Нича затормозил у отворотки. Влево уходила дорога к Фабрике, прямой путь вел к федеральной трассе на Санкт-Петербург.

Выключив двигатель, Нича обнял баранку и опустил на руки голову. Что делать дальше, он не знал. И думать о чем-либо расхотелось совершенно. Его охватило вдруг полное безразличие. Остаться навсегда в этом мире декораций было все равно что умереть. По крайней мере так ему в тот момент казалось. Правда, настоящая смерть несла в себе гораздо больше соблазнов: не нужно было дергаться, о чем-то думать, что-то решать.

В салоне кто-то так громко зевнул, что Нича машинально поднял с баранки голову и обернулся. Сладко потягиваясь, Соня с улыбкой пропела:

– Ой, мальчишки-и-и! Я сейчас такой сон видела-а-а!..

Впрочем, она тут же осеклась, быстро опустила руки, а умильное выражение лица сменилось на тревожно-испуганное.

– Мне снилось море... – пробормотала Соня. – Как я, маленькая, купаюсь в нем с папой и мамой.

– Хороший сон, – удивленно глянул на девушку Нича. – Чего ты так испугалась-то?

– Но я же... Я ведь никогда не вижу таких снов. Обычных снов, не связанных с... – Она запнулась и неопределенно мотнула головой.

Нича понял. И понял еще, что ничего теперь не понимает.

– Постой! Так ты не пыталась во сне все это исправить?..

– Нет, – виновато пожала плечами Соня. – Я ведь говорю, мне снился обычный сон. В нем я даже не думала, что со мной на самом деле.

– Ничо так! А откуда же тогда... – Нича сообразил, что девушки с ними не было, когда они с Виктором наблюдали «микроавтобусную какофонию», и пояснил: – Пока ты спала, мы видели в городе странные вещи.

– Какие? – испуганно спросила Соня.

– По улицам носилась наша маршрутка. Сначала одна, а потом их стало множество. И в каждой сидела ты. А за рулем был я. И мы подумали, что это ты пытаешься что-то сделать,

исправить всю эту хрень!.. – Нича в сердцах хлопнул по баранке, и машина недовольно пикнула.

– Нет, я ничего такого не делала, – совсем тихо сказала девушка и опустила голову. – Простите...

– Да, может, и делала, но не помнишь, – подал вдруг голос Витя. – Я читал, что, пока спишь, сон может несколько раз сниться. В какие-то специальные периоды...

– Фазы, – подсказал Нича. – Есть фаза медленного сна, а есть – быстрого. Во время быстрого сны как раз и снятся.

– Вот-вот! – подхватил Виктор. – А потом, когда медленная фаза наступает, то уже и не помнишь, что тебе снилось. Так что тебе могло до моря что угодно присниться.

– Тем более ты ненадолго просыпалась, – вспомнил Нича. – Так что море тебе уже точно после маршруток снилось.

– Не знаю, – задумалась Соня. – Обычно я всегда помню, что в таких снах происходит. Да я и говорила ведь, что это не просто сны. Вряд ли они как-то с фазами связаны.

– Ничо так! Но точно ведь ты не уверена?

– Не уверена.

– Да какая теперь разница! – подскочил вдруг Виктор. – Уверена – не уверена, было – не было!.. Сейчас-то мы что будем делать? – Он с вызовом глянул на Ничу: – Твой план, я смотрю, провалился?

– У тебя есть другой? – огрызнулся Нича.

– Не ссорьтесь, мальчики, не надо! – жалобно попросила Соня. – Давайте вместе подумаем, как нам быть.

– Да лучше уж не быть... – буркнул Нича, вспомнив свои недавние мысли.

– Не надо так, – нахмурилась девушка. – Сдаваться никогда не стоит. Мы живы, здоровы, голод и жажда нам не страшны. Да все нормалек, нам ничего не угрожает!

– Пока, – хмуро заметил Нича.

– Пусть даже пока, – кивнула Соня. – Значит, тем более надо пользоваться моментом и, пока нам ничего не угрожает, что-то придумать и хотя бы попробовать сделать.

– Я уже попробовал...

– Коля, ну чего ты все ворчишь? – вскочила девушка. – Как дед старый: бу-бу-бу, бу-бу-бу!.. Ну, попробовал раз, ну, не получилось! И что ж теперь, сидеть сложа руки и на судьбу жаловаться?

– Можно еще разогнаться – и о стену! – хихикнул Виктор.

– Ничо так, это мысль, – поднял голову Нича.

– Прекратите же вы!.. – вспыхнула Соня, но Нича поспешил ее перебить:

– Да нет же, я серьезно. Ведь неизвестно, где мы на самом деле окажемся, «умерев» здесь. Но я полагаю, эту идею мы проверим в самую последнюю очередь.

– Может, ты и прав, – успокоилась девушка и вновь опустила на сиденье. – Но сейчас мы этого делать точно не будем. Это уж действительно на самый крайний случай. Давайте думать, что делать сейчас.

– А давайте поедem куда-нибудь подальше, – сказал Витя. – Может, это только здесь такая байда, а в других местах все нормально?

– Не думаю... – нахмурилась Соня, но идею Виктора поддержал Нича:

– А что нам мешает убедиться? Все лучше, чем просто так сидеть.

И, не дожидаясь ответа, он развернулся к баранке и повернул ключ в замке зажигания.

* * *

Выехав на федеральную трассу, Нича остановился. Посмотрел направо, налево. Куда ехать? Логичней казалось направо – ближайший город находился в той стороне, но Нича почему-то повернул налево. Впрочем, самому-то себе можно и признаться почему. Потому что ему стало страшно. Нича был почти уверен, что и соседний город тоже окажется пустым и мертвым. И тогда... Тогда – прощай, последняя надежда. Конечно же, раньше или позже с ней все равно придется распрощаться, но уж все-таки пусть лучше позже. Хоть на чуть-чуть! Хотя бы еще лишний час-полтора потешить себя этим сладким, но капризным и ветреным чувством с женским именем, которое, привередничая, даже умереть стремится последним.

Соня и Виктор то ли не смотрели в окна, то ли им было все равно, куда ехать, но ни парень, ни девушка никак не прокомментировали Ничин выбор. Что ж, решил он, поудобнее устраиваясь в кресле и расслабив пальцы, так что ладони теперь просто лежали на рулевом колесе, не сжимая его, – теперь можно и отдохнуть, просто покататься, наслаждаясь процессом.

Действительно, до этого Ниче приходилось водить этот несчастный микроавтобус только в экстренных случаях, когда деваться было некуда, как только сесть за руль – и гнать. Там уж было не до впечатлений от процесса езды. Теперь же можно было недостаток этих впечатлений восполнить. Что он и делал, сознательно не разгоняясь более восьмидесяти километров в час, чтобы продлить минуты удовольствия. Ибо некое внутреннее чувство упорно бубнило ему, что лафа скоро кончится.

Пока же за окном тянулись обычные, знакомые пейзажи. Леса, поля, перелески. Смотреть на все это было куда приятней, чем на безлюдные городские кварталы. На мгновения вообще забывалось, что с окружающим миром что-то произошло. Но стоило взгляду вернуться к ленте шоссе – абсолютно пустой в такое-то время суток! – как сразу все вспоминалось, и приходилось приложить усилия, чтобы не дать захлестнуть себя волне отчаяния.

Вскоре лес вокруг стал более густым и высоким, плотнее подступив к дороге. С одной стороны, это создавало некую иллюзию защиты, но в то же время навевало подспудную тревогу. Тем более еще через какое-то время Ниче стало казаться, что с окружающим миром стало что-то не так. Сперва он не мог понять, что именно, да, откровенно говоря, и боялся этого понимания, хоть и догадался уже, что безмятежности путешествия скоро наступит каюк.

Он и наступил, когда из салона послышался Сонин возглас:

– Смотрите, что это?!

Нича сбросил скорость, подрулил к обочине и остановился. Скользнула мысль, что встать можно было и посреди шоссе, хоть на встречке, но мысль была бесполезной и мелкой, потому он выбросил ее из головы, обернулся в салон и переспросил Соню, уставившуюся в окно:

– Чего ты там увидела?

– Посмотри на деревья...

Нича повернул голову и глянул в лобовое стекло. Деревья как деревья!.. Разве что ветви и листья совершенно неподвижны, так это всего лишь из-за отсутствия ветра.

– Нормальные дере... – начал он, вновь обернувшись в салон, но тут его взгляд проник за окно, в которое смотрели Соня и Виктор. – Ничо так! Что это за хрень еще?..

Деревья, которые по ходу движения казались совершенно обычными, с обратной стороны выглядели нарисованными! Причем зачастую условно, в виде торопливых штрихов и пятен. То же самое касалось травы и самого шоссе, которое возле микрошки было прорисо-

вано еще более-менее детально, а вот назад простиралось неаккуратной графитовой штриховкой.

Нича потянулся к дверной ручке, намереваясь выйти и, что называется, пощупать очередные чудеса. Но Соня, оторвавшись наконец от окна, заметила его движение и закричала:

– Не выходи! Не вздумай!

– Почему? Надо же посмотреть, что это такое...

– Зачем надо? – еще больше испугалась Соня. – Не надо. Совсем-совсем не надо! Лучше давай поедem.

– Да почему не надо-то? – взбунтовался Нича. – Если мы на все будем глаза закрывать, то и не пойдем ничего!

– Мы и так не пойдем. Только хуже себе можем сделать. Машину это шоссе держит – значит надо ехать. А человека – неизвестно еще, выдержит ли.

– Или выскочит из нарисованного леса ластик-ужастик и сотрет тебя на фиг! – хохотнул Виктор.

Нича удивленно посмотрел на него: как же быстро адаптировался к чудесам парень! То чуть в обморок не падал от малейшей неожиданности, а теперь вон – и хохмить уже начал.

– Я на тебе сначала проверю, – сказал Нича, и даже Соня не поняла, пошутил он сейчас или нет. Витя же вообще моментально заткнулся.

– Может, поедem, Коля? – попросила Соня.

– Куда? – вздохнул Нича. – Назад? Вперед?

– Сначала вроде бы лес нормальным был...

– И что мы теперь, в лесу жить будем?

– Ну, давай тогда вперед.

Нича и дал бы. Но тут из леса вышел волк.

7

От неожиданности Геннадий Николаевич вздрогнул. Ну ведь не было никого рядом только что! Откуда этот кадр взялся, из-под труб, что ли, вылез?

«Кадр» стоял, протянув к ним руку, словно просил милостыню. Но на нищего он похож не был. Впрочем, на того, кто мог бы вот так нагло указывать им, что делать, а что нет, – тоже. Хотя бы из-за возраста; вряд ли этому белобрысому и розовощекому парню исполнилось тридцать. Другое дело, если бы он был в форме – тут уж на возраст не смотрят. Так нет же, одеждой «кадр» ничуть не отличался от массы прочих молодых людей: джинсы, клетчатая рубаша навывпуск, распахнутая кожаная жилетка, на шее – наушники от плеера.

Геннадий Николаевич уже набрал в грудь воздуха, чтобы порекомендовать парню, куда тому следует пойти, но его запястье вдруг крепко сжали пальцы Ненахова. С удивлением глянув на друга, он удивился еще больше: отставной полковник побледнел и принял позу, очень напоминающую стойку «смирно». Впрочем, в голосе его, когда он вложил в протянутую ладонь смятую пулю, подобострастия не ощущалось.

– Это важная улика. В маршрутку стреляли. По колесам. Потому она и...

– Мы уже поняли, – кивнул парень. – Спасибо за помощь. Но больше заниматься подобным не надо. Все необходимое мы сделаем сами.

– Разве мы вам мешаем? – спросил Ненахов.

– Пока нет, – выделив первое слово, ответил «кадр». – Но неужели вам, Игорь Степанович, следует объяснять, почему этого делать не стоит? Или вы сомневаетесь в нашей компетенции?

– Мы сомневаемся, что узнаем о результатах вашей работы, – не выдержал Геннадий Николаевич, догадавшись, в каком отделе кадров зарегистрирован данный «кадр». – А мне это не из простого любопытства нужно, у меня сын в том автобусе ехал.

– Нам это известно, – перевел на него взгляд парень. И во взгляде этом Бессонов не прочел ничего, кроме холодного равнодушия с примесью легкого раздражения. Будто комар возле его уха жужжит – не кусает, но неприятно.

– А что еще вам известно? Вы хоть что-нибудь по существу сказать можете? Где пропавшие, что с ними? Хоть какие-то гипотезы у вас имеются? – Геннадий Николаевич почувствовал, что начинает закипать. И он бы выложил этому розовощекому хлыщу все, что он думает о нем лично и о всей его конторе в общем, но Ненахов вновь крепко сжал его руку, да так, что стало по-настоящему больно.

От парня это движение не ускользнуло. Он чуть прищурил глаза, дернул уголками губ и сказал по-прежнему сухо и ровно:

– Гипотезы имеются. Они проверяются. Работа идет, не сомневайтесь. Сказать же до ее завершения я ничего не могу.

– Да вам и нечего сказать! Тоже мне, компетенцией хвастают, а сами важную улику проморгали... – Тут Геннадий Николаевич получил от Ненахова такой тычок в бок локтем, что только охнул и невольно замолчал.

– Прошу извинить, – чуть кивнул бывший полковник. – Сами понимаете...

– Понимаю. А вы все поняли?

– Не дурак.

– Вот и хорошо. – Парень повернулся, чтобы идти, но тут же обернулся к Геннадию Николаевичу: – Все, что мы узнаем по поводу Николая Бессонова, будет доведено до вашего сведения.

Геннадий Николаевич раздраженно мотнул головой, но «кадр» уже шагнул к дороге, натягивая на затылок дужку наушников. Подождав, пока тот не вышел на шоссе, Бессонов обернулся к другу и задал риторический вопрос:

– Оттуда?

На удивление, Ненахов не кивнул, а ответил. Причем ответил не сразу и не совсем то, что ожидал от него Геннадий Николаевич.

– Ты понимаешь, какая штука, – пожевал губу отставной полковник, – я ведь и сам толком не знаю, кто он такой и откуда. Вроде бы и «оттуда», да не совсем. Нас, конечно, с их кадровым составом никто знакомить не собирался, но есть подозрения, что он у них не в штате. Вроде консультанта.

Бессонову сразу вспомнился булгаковский «консультант», и он подумал, что подобный кадр для данной организации пришелся бы весьма кстати. А вслух спросил:

– Чего ж ты ему тогда пулю отдал, если он никто в общем-то?

– Да в том-то и дело, что «кто». Очень даже «кто». Там к нему отношение особое...

– У тебя к нему – тоже, как я заметил, – усмехнулся Геннадий Николаевич. – Чуть ли не по стойке «смирно» вытянулся, только что честь не отдал. Хард-рок, да и только!

– Привычка, – смутился Ненахов. – Просто мне приходилось с ним пару раз пересекаться по службе.

– Вот как? – удивился Бессонов. – Интересно, какие у тебя с подобным типом могли быть пересечения?

– У меня работа была такая, что с кем я только не пересекался. Но о наших с ним общих делах – извини, не могу. Да и не имеет это к нашему случаю никакого отношения, поверь мне.

– Как я понял, про «наш случай» ты мне теперь тоже посоветуешь забыть?

– Если честно, я бы посоветовал. Он прав, лучше, чем они, никто с этим не разберется. Тем более если и сам он этим занимается.

– Но?... – прищурился Бессонов.

– Что «но»?

– Ты сказал, что «посоветовал бы». Следовательно, напрашивается и «но».

– Я смотрю, логика – твой конек, – буркнул Ненахов.

– Профессия обязывает. Так что там все-таки с «но»?

– ...Но я вижу, что тебя все равно не остановить, – выдохнул бывший полковник. – А без меня ты таких дров наломаешь!..

– Между прочим, пулю я нашел, – обиделся Геннадий Николаевич.

– Помню, помню, – вздохнул Ненахов. – Ладно, пошли к машине. Там подумаем, что нам дальше делать.

* * *

– У меня есть одна мысль, – сказал Геннадий Николаевич, устроившись в кресле «Волги».

– Тебе бы на моем месте надо было работать, – пробормотал Ненахов. – И улики ты быстрее меня находишь, и мысли имеешь...

– Мыслить мне и на своей работе приходится, – окинул Бессонов друга подозрительным взглядом. – А вот ты, я смотрю, к советам этого «консультанта» больше склоняешься.

– Да пойми ты, – раздраженно ответил тот, – такие люди зря словами не бросаются! Поэтому надо сто раз подумать, прежде чем что-то делать.

– Так ты меня еще даже не выслушал!

– Хорошо, я слушаю. Извини.

– Вот смотри, – не стал больше корчить обиженного Бессонов, – погибших одиннадцать. Так?

– Так.

– А сколько всего мест в микроавтобусе?

– По-разному бывает, – подумав, сказал Ненахов, – но именно в этом было шестнадцать: тринадцать в салоне, одно – водителя и два – справа от него.

– Вот! – поднял палец Геннадий Николаевич. – Значит, пропасть могли, включая Ничу, пять человек.

– Могли, – кивнул Ненахов. – А мог и только он один.

– Вряд ли, – помотал головой Бессонов. – Чтобы в утренние часы, когда все едут на работу, да еще на маршруте до Фабрики, оставалось четыре свободных места? Вряд ли. Ну, одно, ну, два, но чтобы четыре!..

– Ну, допустим. Куда ты клонишь?

– Так надо выяснить, кто еще пропал! – заморгал Геннадий Николаевич. – Неужели не ясно?

– А... зачем? – уставился на друга Ненахов. – Что это нам даст?

– Ну ты даешь!.. – округлил глаза Бессонов. – Придуряешься, что ли?

– Ничуть. Но ты вот поясни мне, дураку, как ты узнаешь, где сейчас находится автобус, если в нем ехали, кроме Николая, скажем, бухгалтер Мария Андреевна и слесарь дядя Петя?

– Ну, во-первых, слесарь может автобус починить, если тот сломан, – буркнул Геннадий Николаевич, отводя взгляд.

– А бухгалтер – оценить затраты на ремонт, – усмехнулся бывший полковник.

– Ну, чего ты лыбишься?! – накинулся на друга Бессонов. – А если, например, выяснится, что один из пропавших числится в федеральном розыске за терроризм и похищение людей?

– Тогда расклад, конечно, немного иным будет, – вновь стал серьезным Ненахов. – Но это в любом случае не объяснит того, что микрошка растворилась в воздухе.

– А ты сам-то в это веришь? То, что говорит единственный перепуганный очевидец, – это разве истина в последней инстанции? Ты же сам тогда сказал, что его показания больше на сказку похожи!

– Но куда ж она тогда делась? И, самое главное, как? Ведь после такой аварии она вряд ли бы с места тронулась!

– Нет, ну ты вроде как не в милиции работал, а в детском саду! – взмахнул руками Бессонов. – Ее могли взять на буксир, погрузить на эвакуатор! Как быстро гаишники на место аварии приехали?

– Минут через пятнадцать...

– Вот видишь! Да за это время можно было и трупы выгрузить, и маршрутку увезти, и подмести там все за ней, пропылесосить даже! Тем более авария была подстроена, что мы уже выяснили. Значит, к этому готовились и все нужное приготовили заранее.

– Но свидетель...

– Да что свидетель? Хард-рок натуральный! Шок, бред, откровенное вранье... Перечислять дальше?

– Кто-то бы еще обязательно увидел, как эти следы заматались.

– А кто говорит, что не видели? Только много ли желающих добровольно показания давать? А если, например, преступники были в милицейской форме, то и вообще никто бы не заподозрил неладного: люди свою работу делают.

– Все ты говоришь верно, все! – стукнул кулаком по колену Ненахов. – Но это только слова! Нужны доказательства. А доказательств нет. Эх, если бы хоть водителя самосвала

мои ребята успели сразу допросить! Так он неменяемым был от шока. А потом... – Бывший полковник махнул рукой. И тут как раз зазвонил его мобильник.

Ненахов почти не говорил, только слушал, кивал головой и «дакал». Один раз спросил: «Кто именно?» и снова закивал. Потом убрал телефон в карман и повернулся к Бессонову.

– Стоило вспомнить!.. – пожевал он губу. – О водителе «КАМАЗА» есть сведения. Только они... неофициальные. Там личные отношения и все такое, так что имен я называть не буду. В общем, сотрудница больницы в частном разговоре одному из моих... в общем, сотруднику правоохранительных органов рассказала, что частично услышала беседу...

– Игорь! Ты на докладе у начальника, что ли? – не вытерпел Геннадий Николаевич. – Скажи по сути-то, в чем дело?

– А по сути – «камазник» то же самое говорит, что и первый свидетель. Испарилась микрошка!..

– Бред!.. – замотал головой Бессонов. – Ну, бред же!

– Сейчас ты скажешь, что они сговорились, тоже были участниками общего заговора...

– Да уж проще поверить в это, чем в их показания! – фыркнул Геннадий Николаевич. – И вообще... Ты категорически настроен против моей идеи?

– Это ты о чем?

– Да насчет того, чтобы узнать, кто еще пропал.

– Ну, если тебе так неймется...

Ненахов снова достал телефон. Нажал пару кнопок, поднес трубку к уху, подождал. Потом кивнул невидимому собеседнику:

– Извини, забыл спросить. Кто-нибудь обращался насчет пропажи людей? Ну, ты понял, в связи с чем... Да-да, именно... Так... Да... И все?.. Диктуй. Нет, лучше скинь эсэм-эской... Благодарю. До связи!

Он не стал убирать мобильник и сказал, в ожидании сообщения глядя на дисплей:

– Одно заявление есть. Девушка пропала, ее мать приходила. Точнее, не заявление даже, официально его лишь через трое суток после пропажи можно принять... Но там как раз мой знакомый сидел, которого я просил все по этому делу собирать. Короче, есть подозрение, что девушка именно в этой маршрутке ехала. Сейчас мне ее координаты скинут. Ага, вот как раз!..

Мобильник пикнул, и Ненахов щелкнул клавишей.

– Нормалева Зоя Ивановна, вот телефон и адрес.

– Это мать так зовут или девушку? – заглянул в дисплей телефона Бессонов.

– Да какая разница! Адрес у них один. И телефон, видишь, домашний. Звонить будем или сразу поедем?

* * *

Поехали сразу. Геннадий Николаевич отчего-то побоялся звонить. Вдруг женщина откажется с ними встречаться или еще что-нибудь... Даже соображение, что если она сама обратилась в милицию, то вряд ли станет избегать встречи, не убедило его поступить иначе. Да и Ненахов не спорил – ехать так ехать. Благо, городок небольшой, не стоверстовый крюк делать.

На звонок открыли сразу, будто их ждали. Впрочем, открывшая дверь миниатюрная стройная женщина, похоже, и впрямь с нетерпением ждала известий, поскольку, тревожно переводя взгляд с одного мужчины на другого, испуганно спросила:

– Вы из милиции? Соня... нашлась?..

Бессонов не знал, что ответить, и посмотрел на друга. Тот чуть замялся, подбирая слова, и наконец выдал:

– Мы не совсем из милиции... Я там раньше работал, но сейчас выступаю... как частное, так сказать, лицо. И вот – Геннадий Николаевич тоже. Ваш, как говорится, товарищ по несчастью.

Женщина перевела взгляд на Бессонова. Нахмурила брови, поморгала, будто силясь что-то вспомнить, провела ладонью по гладко зачесанным, огненно-рыжим – явно крашеным – волосам. Затем в ее серых, молодых и выразительных глазах вспыхнул огонек узнавания.

– Геннадий?.. Гена? Бессонов?..

Геннадий Николаевич недоуменно дернул головой, прищурился...

– Зоя? Кокошечка?! – Он шагнул к женщине и сгреб ее в объятия. – А я не понял – Нормалева какая-то!.. И ты ведь не такой огненной была – обжечься можно! – не признал сразу.

– Так я ведь давно уже не Кокорина, я и уволилась тогда, потому что замуж вышла, а муж военный был, перевели его... Не помнишь разве?

– Припоминаю что-то... Только новой твоей фамилии не запомнил.

– Я смотрю, вы знакомы, – хмыкнул наблюдающий эту картину Ненахов.

– Да, Игорь, ты представляешь, – обернулся к другу Геннадий Николаевич, – это Зоя Кокорина, мы с ней вместе на Фабрике начинали работать. Когда это и было-то...

– Лет тридцать назад, – улыбнулась женщина, аккуратно высвобождаясь из объятий старого знакомого.

– А когда ж ты вернулась? – быстро убрал и, смущаясь, спрятал руки за спину Бессонов. – Где работаешь? Мужа опять сюда перевели?

– Муж умер семь лет назад, – опустила глаза Зоя Ивановна. – А я домой решила вернуться, на родину. У меня ведь и мама тут жила. Вернулась – и мамы через год не стало... Сонечка – единственная моя радость теперь. – Тут женщина вспомнила о причине прихода гостей и вновь всполошилась: – А что с Соней? Почему вы пришли? Вы что-то узнали?..

– Извини, Зоя, – положил ей руки на плечи Бессонов. – Извини, что побеспокоили. Мы ничего пока не знаем. Просто, видишь ли, мой сын тоже в этой маршрутке ехал. Такой вот хард-рок.

Женщина вздрогнула, потянулась к Геннадию Николаевичу, словно хотела прижаться к нему, но опомнилась, опустила руки, отступила на шаг, так что и Бессонову вновь пришлось прятать ладони за спину, и прошептала:

– Невероятно!.. Как же все невероятно...

– Что, Зоя? Что невероятно? – шагнул следом за ней Геннадий Николаевич.

Женщина помотала головой, будто стряхивая наваждение, вновь бросила взгляд на гостей и сказала:

– Что же я вас в прихожей-то держу? Проходите в комнату, я сейчас чай заварю.

– Да не нужно, Зоя, – попытался запротестовать Бессонов, но хозяйка была непреклонной:

– Ну уж нет! Столько лет не виделись... Да и поговорить нам все равно нужно... обо всем этом...

– Вы меня извините, – бросил взгляд на часы Ненахов. – Вам и правда поговорить стоит, а я вам только мешать буду. К тому же у меня еще кое-какие дела есть. Так что разрешите откланяться.

Геннадию Николаевичу показалось, что по лицу давней приятельницы скользнул лучик радостного облегчения. Во всяком случае, уговаривать она бывшего полковника не стала. Бессонов тоже подумал, что без посторонних Зоя почувствует себя уверенней, да и он не так будет стесняться, делясь с ней общей бедой. Поэтому сказал лишь другу:

– Ты мне звони сразу же, как что-то узнаешь, договорились?

– Разумеется. Ты тоже. Возможно, вечером заскочу к вам. Зое привет!
Женщина удивленно распахнула глаза, и Бессонов поспешил объяснить:
– Мою жену тоже Зоей зовут.

Сказал и вспомнил, что позвонить еще раз супруге так и не соизволил. А ведь она ждет, волнуется...

Но тут как раз хозяйка отправила-таки его в комнату, а сама пошла провожать Ненахова и заваривать чай, чем Геннадий Николаевич и не преминул воспользоваться. Сел в старое, уютное кресло, достал мобильник, позвонил жене, успокоил как мог, обещал быть через час дома.

* * *

– А волосы-то красишь, – непонятно почему вырвалось у него, когда Зоя Ивановна расставила на журнальном столике чашки, вазочки с вареньем, печеньем и конфетами.

– Так ведь лет-то мне сколько! Из рыжей давно пегой стала, – засмеялась давняя знакомая и будто вновь превратилась в прежнюю Зойку-Кокошечку. Но смех быстро оборвался, и женщина опять стала выглядеть на все свои пятьдесят с хвостиком. – Ты сам-то как? Все такой же, смотрю.

– Да я нормально, – махнул рукой Бессонов. – Женился тоже. Давно уже. Ниче... ну, Кольке, сыну, тридцать скоро.

– Тридцать? – удивилась Зоя Ивановна, подозрительно оглядев Геннадия Николаевича. – У тебя ж не было тогда никого...

– Ну, еще-то не тридцать. Двадцать восемь пока. Но скоро ведь... – Нехорошая мысль собралась возразить нечто гадкое, но Бессонов сумел от нее отмахнуться.

– У тебя уже, наверное, внуки.

– Какое там! – отмахнулся Геннадий Николаевич. – Дождешься!.. Вчера, вон, опять с матерью поругался. Не понимают они, что и в двадцать восемь, и в тридцать, и в пятьдесят – они все равно для нас дети! Что мы переживаем за них, волнуемся, добра желаем... – Бессонов сознательно говорил о сыне так, будто с тем ничего не случилось, потому что тревога и боль за него подкатили вдруг к сердцу такие, что хоть вой.

– Моей Сонечке двадцать четыре, – вздохнула женщина. – Где-то они теперь?..

– Они живы, Зоя! Я уверен, живы! – встрепенулся Геннадий Николаевич и собрался вскочить, но женщина вдруг спокойно и уверенно сказала:

– Я знаю, что Соня жива. Не могу лишь понять, где она.

– Знаешь?! Откуда?..

Зоя Ивановна смутилась вдруг, сильно, как все рыжеволосые, покраснела и тихо сказала:

– Ты только не смейся, но... Мы ведь переезжали часто, я сначала еще пыталась как-то устраиваться, а после того, как бардак в стране начался, работу по специальности найти стало трудно, да и Саша не хотел, чтобы я в ларьках торговала или еще что-нибудь такое. Вот я как-то и увлеклась... гаданием. – Женщина широко распахнула серые глаза и быстро заговорила: – Ты не думай, я людей не обманывала! Я по-серьезному! Да и для себя больше, отвлечься от скуки. А когда и впрямь получаться стало, то и люди потянулись, сами собой как-то, я нигде никаких объявлений не давала...

– Да я ничего и не думаю, – опуская глаза, пробормотал Бессонов, который как раз с сожалением и подумал не очень лестные для Зои вещи. А еще искренне огорчился, что вспыхнувшая вдруг надежда оказалась пустышкой.

– Я же вижу, что думаешь. А зря, между прочим. Есть много такого, чего мы не знаем, о чем даже предположить не можем. Проще отмахнуться от того, что кажется невероятным,

принять за совпадение, выдумку, чем признаться в своем невежестве или допустить хотя бы, что на самом деле быть может и то, что мы признавать не хотим. Я ведь тоже была такой. Моя Соня, когда была маленькой, часто рассказывала мне свои сны. Говорила, что все, что она в них видит, на самом деле сбывается. Я отшучивалась, принимала все за детские фантазии. А однажды она проснулась и сказала, что там, где хлебушек пекут, пожар был. И ведь правда днем я узнала, что наш хлебозавод сгорел. Откуда она могла узнать это ночью?.. Да и потом много раз... Правда, когда повзрослела, меньше со мной этим делиться стала. Но вот семь лет назад, как раз после выпускного вечера, пришла под утро веселая, счастливая, только спать легла – вдруг вскакивает бледная, в слезах, дрожит вся... И только: папа, папа!.. Я в больницу звонить – Саша туда на обследование лег, сердце пошаливать стало, – а мне отвечают, что он умер только что. А ты говоришь...

– Я ничего не говорю... – Бессонов почувствовал, что неудержимо краснеет. – Зоя, ты извини меня, я правда не очень в это все верю... верил... Но и на самом деле – мы не все ведь в этом мире знаем, далеко не все. И я вполне допускаю, что...

– Да ты хоть допускай, хоть нет, – улыбнулась Зоя Ивановна. – От этого все равно ведь ничего не изменится. Ты лучше давай чай пей, остыл ведь уже.

Геннадий Николаевич схватился за чашку и, будто извиняясь, попросил:

– Так ты расскажи, что про дочку узнала.

– Что узнала... Узнала, что жива, – неохотно начала женщина. Но тут же встрепенулась, загорелась, вспыхнула. – Но самое непонятное, никак не пойму, где она! Карты говорят что-то невразумительное – и что рядом она где-то, и в то же время так далеко, что ничем не измерить. – Тут Зоя Ивановна глянула вдруг на Бессонова и предложила: – А хочешь, я на твоего сына погадаю?

Геннадий Николаевич, разжевывая конфету, кивнул, и старая приятельница, выскочив на минутку из комнаты, вернулась с деревянной шкатулкой, откуда достала что-то, завернутое в черный шелк. Развернув ткань, женщина извлекла на свет толстую колоду необычных карт.

– Это карты Таро, – пояснила она. – Как, ты говоришь, зовут твоего сына – Николай?

Бессонов кивнул, не отводя взгляда от рук знакомой, державших карты.

– Какие у него глаза и волосы?

– Глаза? Да я точно и не знаю... Но не карие точно. Скорее, темно-серые. А волосы – русые. Но тоже темные.

– Он смуглый?

– Нет.

– Значит, Рыцарь Мечей, – непонятно произнесла Зоя Ивановна, вынула какую-то карту, а потом сказала громко и четко: – Скажите, что сейчас с Николаем Бессоновым, где он находится? – и принялась тасовать колоду.

Геннадий Николаевич с недоверием, но в то же время с интересом наблюдал, как его давняя приятельница манипулирует с загадочными картами: вынимает какие-то, раскладывает непонятным образом на столе, снова тасует, снова достает и выкладывает то выше прежних, то сбоку, то вертикально в ряд... Наконец, закончив манипуляции, Зоя Ивановна принялась внимательно изучать расклад, а потом с затаенной тревогой, но в то же время удивленно посмотрела на Ничиноного отца.

– Твой сын жив. Но он сейчас в трудном положении. На нем лежит большая ответственность, и он должен взять на себя непростые обязательства. Если он справится с этим грузом, не изменит себе, не потеряет надежду и веру в добро – он победит, и все будет хорошо.

– Но где же он, где?! – вскочил Геннадий Николаевич.

– Он там, где все не так. Безумно далеко и очень близко. Он рядом с Соней и... будет с ней долго. Возможно, всегда.

8

Нича невольно крикнул. Даже заветное «ничо так» не смог из себя выдавить.

Соня с Витей не могли со своего места видеть то, что увидел Нича, и причина его молчания и бездействия им показалась странной. Во всяком случае, Соне, которая спросила:

– Так мы едем? Что-то мне здесь становится неуютно...

– Там... – сглотнул Нича, – вон... – Он хотел сказать что-то еще, но горло снова пересохло, да и мысли куда-то разбежались. Или, наоборот, попрятались.

– Что «вон»?.. – поднялась Соня и подошла к водительской кабине. Нича показал пальцем – что. Точнее, кто.

Этот «кто» стоял посреди дороги перед маршруткой и не сводил с Ничи колючих, словно острые льдинки, глаз. Мощную голову зверь чуть наклонил, и пристальный взгляд исподлобья добавлял ощущения неприятного холода, от которого у Ничи вдоль позвоночника скатилась струйка пота.

– Ого, – выдохнула наконец Соня. – Нормалек! Да мы тут не одни...

– Что вы там увидели? – заинтересовался Виктор и тоже перебрался ближе к кабине.

Волк мгновенно перевел взгляд на новое действующее лицо и оскалил зубы. Возможно, он и зарычал при этом, но через стекло звуков не было слышно.

– Ты ему не понравился, – прошептала Соня, оглянувшись на Виктора.

– А я? – спросил Нича, к которому вернулась способность говорить, чего нельзя еще было сказать о способности здраво мыслить.

– А ты как раз в его вкусе, – хмыкнул Витя, чем привел наконец-то Ничу в себя.

– Ты поостри, поостри, – процедил тот сквозь зубы, с трудом оторвав взгляд от волка. – Сейчас знакомиться пойдешь и заодно асфальт испытывать.

– А уже и не надо... – тихо произнесла Соня. – Смотрите!..

Что именно не надо – знакомиться или испытывать асфальт, – Нича понял сразу, едва вновь посмотрел на шоссе. Оно выглядело теперь совершенно нормально, во всяком случае – впереди автобуса. Нича перевел взгляд на лес. Ему показалось, что по деревьям скользнула тень. Или даже не тень, а будто бы кто-то быстро провел перед ними гигантским искривленным стеклом. То, что мгновение назад казалось нарисованным, стало на вид неотличимым от настоящего.

– Ничо так! – воскликнул Нича. – Вам не кажется, что мы вернулись?

– Куда вернулись? – не поняла Соня, а Виктор опять иронично скривил губы:

– Если ты жил в лесу, то да, считай, что уже дома.

На сей раз не выдержала Соня:

– Витя, тебе не кажется, что сейчас не время для шуток? Или тебе все-все понятно, что сейчас происходит?

– Да я ж так... – заморгал Виктор. – Настроение поднять...

Нича не стал вступать в эту разборку. Он сидел нахмурившись и, поджав губы, явно о чем-то усиленно размышлял. Соня, оставив притихшего Виктора, опять повернулась к Ниче.

– Коля, что ты имеешь в виду? Куда мы вернулись?

– В свой мир, – сказал Нича. – Все опять стало таким, как и должно быть.

– Но ведь и до этого все было внешне нормальным. Это только здесь вот так...

– А волк? – перебил девушку Нича. – Откуда ему взяться, если мы до сих пор в... декорациях?

Это был разумный аргумент. В синих глазах Сони голубой искрой вспыхнула надежда.

– Значит, надо срочно ехать назад и проверить!

– Не надо никуда ехать, – буркнул из салона Витя. – Никуда мы не вернулись.

– Откуда ты знаешь?! – резко обернулась девушка и сразу догадалась, что имел в виду Виктор. В руках парень держал мобильник, и не нужно было ходить к гадалке, чтобы узнать, что он пытался сделать и что из этого получилось.

– Может, здесь просто связи нет... – сказала все-таки Соня.

– На этой трассе всегда была связь, – покачал головой Виктор и убрал телефон в карман.

– И все-таки... Мало ли... Надо вернуться, – посмотрела на Ничу девушка.

– погоди, – тихо сказал тот. – Мне кажется, он от нас что-то хочет.

– Да нет, – горячо зашептала Соня, наклонив голову к парню. – Он просто пытался позвонить, но связи нет!..

– Я имею в виду его, – дернул вперед подбородком Нича.

Теперь и Соня обратила внимание, что волк стал вести себя странно. Он пятился к лесу, не отрывая взгляда от микроавтобуса, останавливался у самых деревьев и вновь подбегал к машине. Это действие он повторил уже раза три – по крайней мере с тех пор, как за ним стала наблюдать Соня. При этом волк изредка кивал большелобой головой, будто говорил: «Да-да, я именно это имею в виду!»

– Мне кажется, он нас куда-то зовет, – неуверенно произнесла девушка.

– Мне тоже так кажется, – задумчиво выдал Нича.

– Только не вздумайте за ним идти! – испуганно выкрикнул Витя. – Заманит в лес, а там вся стая сидит, обеда дожидается!..

– А может, его подруга в капкан попала или с волчатами что-то случилось, – сказала Соня. – Сколько раз о таких случаях писали, что дикие звери к человеку за помощью приходят!

Неизвестно, что сильнее подействовало на Ничу – это замечание девушки или желание поступить наперекор Виктору, только он стал вдруг оглядываться и шарить взглядом по кабине.

– Ты что-то ищешь? – спросила Соня.

– Должны же тут быть какие-нибудь инструменты!.. – ответил Нича и, запустив руку под сиденье, вытащил оттуда брезентовый сверток, который в развернутом виде оказался чем-то вроде широкого патронташа с рядом узких кармашков, из которых торчали гаечные ключи, отвертки и прочее орудие автослесаря.

– А... зачем? – заморгала девушка, глядя, как Нича достает из «патронташа» молоток и монтировку.

– Все-таки не с пустыми руками, – сказал тот и открыл дверь. – Сидите, я гляну, что там.

Он спрыгнул на асфальт и несколько раз по нему топнул, проверяя на прочность. Асфальт вел себя так, как и подобает обычному дорожному покрытию. Тогда Нича сжал в правой руке молоток, выставил вперед левую, с монтировкой, и осторожно двинулся к лесу, куда в очередной раз отбежал волк и стоял там сейчас, поджидая человека.

Стоило Ниче приблизиться метра на три, как серый зверь мягко отпрыгнул за деревья и, сделав еще три грациозных прыжка, вновь стал ждать, когда тот подойдет ближе. Сомнений не оставалось – зубастый хищник звал его за собой.

Нича подошел к ближайшему дереву и оглянулся. Из маршрутки выбирался Виктор. А Соня уже стояла на шоссе, держа в руке пластиковый чемоданчик с красным крестом, с которым ей уже приходилось иметь дело.

– Вы куда?! – зашипел Нича и быстро глянул через плечо – не воспользовался ли его замешательством хищник? Но волк стоял на прежнем месте и терпеливо ждал. Тогда Нича вновь обернулся к товарищам: – Я же сказал сидеть и ждать меня!

– А ты наш командир? – деланно удивился подошедший Виктор, в руке которого блеснул нож. – Извини, я не знал.

– Откуда у тебя это? – проигнорировал колкость Нича и, глядя на нож, нахмурился. Тот хоть и оказался складным, но выглядел довольно внушительно.

– Все свое ношу с собой, – хмыкнул Виктор.

– Ты же боялся стать обедом, чего поперся? – прищурился Нича.

Он хотел добавить что-то еще, но тут вмешалась Соня:

– Не ворчи, Коля. Это я предложила пойти. Все же на трех человек волки вряд ли накинута. А если и впрямь нужна помощь, то ты ведь не смог бы ее оказать... молотком.

Девушка улыбнулась, и Нича почувствовал, как его губы тоже невольно растянулись в улыбке.

– Ну, ладно, пойдем, Айболит, – сказал он и шагнул в лес.

– И Бармалей, – взмахнув ножом, дурашливо оскалился Витя и, пропустив вперед Соню, замкнул процессию.

* * *

Чем дальше в лес, тем больше дров, утверждает народная мудрость. С этим же лесом все оказалось иначе. Нича не сразу обратил на это внимание, поскольку взгляд его был прикован, словно к стрелке компаса, к горизонтально вытянутому хвосту неспешно трусившего впереди волка. Тот, убедившись, что люди идут за ним, перестал метаться и прыгать и, оценив их скорость передвижения, уверенно взял на себя роль проводника, ни разу более не оглянувшись. Тем более теперь они двигались не напролом через чащу, а по едва заметной сначала, но вскоре ставшей вполне очевидной тропинке.

Убедившись, что зубастый сусанин вряд ли теперь скроется из виду, Нича стал поглядывать по сторонам. Тогда-то он и заметил, что лес опять взялся за старые фокусы. То тут, то там вновь замелькали «нарисованные» деревья. Да и обычных стало негусто. Впрочем, приглядевшись внимательней, Нича увидел, что они тоже не настоящие, разве что их «рисунок» был более реалистичным.

Тогда Нича посмотрел под ноги. Та же картина наблюдалась и здесь – тропинка выглядела бурой однородной полосой, проведенной по холсту широкой кистью. Сам холст был тоже бурый, но темней, с примесью зеленых, серых и почти черных пятен. В результате минут через десять ходьбы эти краски перемешались, стали практически однородным серым полем, по которому бежала ставшая уже не бурой, а тоже серой, только чуть светлее, рваная полоска, бывшая когда-то тропинкой. Звуков шагов слышно не было, словно под ногами была плотная резина или каучук. Но земля не пружинила, она ощущалась подошвами как абсолютно ровный и гладкий пол, совсем не скользкий, словно и впрямь резиновый. Шагать было очень комфортно и даже приятно.

Деревья, в прямом смысле этого слова, тоже исчезли. Вместо них вокруг виднелись черные закорючки и кривые палки, которые с очень большой натяжкой и хорошо развитой фантазией можно было назвать лесом. А над всем этим раскинулось такое же ненормальное небо. Оно было однородно белым. Не затянутое белыми облаками, а белым само по себе. Но сравнивать его с разлитым молоком язык тоже не поворачивался. Молоко было все же вещественным, даже на вид осязаемым, имеющим некую плотность. Это же дурацкое небо никакой плотности и вещественности не имело. Скорее, его можно было сравнить со светом. Но неярким, рассеянным, хотя освещенность оно в итоге давало примерно такую, какой и положено быть в это время суток в облачную погоду.

Еще одной странной особенностью было полное отсутствие насекомых и вообще какой-либо живности. Не считая волка, разумеется. Еще только войдя в лес, когда тот выглядел вполне реально, Нича приготовился к атаке мошкары и комаров. Однако до сих пор он ни разу не услышал даже комариного писка. Это, конечно, было плюсом, но почему-то напря-

гало и настораживало. Как и полное отсутствие каких-либо запахов... Теперь наконец ему стало понятно, чего же ему с самого начала не хватало в этом ненормальном месте. В лесу должно пахнуть! Свежей и прелой, прошлогодней, листвой, хвоей, грибами, каким-нибудь можжевельником, черт-те знает, чем еще!.. Даже с закрытыми глазами можно понять, что ты в лесу, – по одному лишь запаху. Тут же не пахло ничем. Абсолютно!

Нича невольно сбавил шаг. Идти по этому «лесу» дальше ему расхотелось. Он оглянулся. Соня и Виктор заметно отстали – гулять по лесу в туфлях девушка явно не привыкла. Причем шли они теперь вместе, держась за руки, словно влюбленная парочка. Нича остановился, почувствовав, как внутри царапнуло чем-то холодным и колючим, словно взгляд их четвероногого провожатого.

Впрочем, едва парень с девушкой подошли ближе, он понял, почему Витя держал Соню за руку. Скорее всего девушка просто-напросто боялась того, что теперь их окружало. Она даже не смотрела по сторонам, уткнув взгляд себе под ноги. Но и внизу ничего радостного она тоже не видела. Однако стоило отдать Соне должное: она все-таки шла, и шла молча.

Когда Соня и Виктор поравнялись с ним и остановились, Нича заговорил с девушкой первым.

– Не бойся, Сонь!.. Ничо так, земля держит, – для убедительности притопнул он, – дышать есть чем, а что черно-белый примитивизм нам стали показывать, так не ужастики ведь – и то ладно.

– А я не боюсь, – подняла на него полные тоски глаза девушка. – Мне просто тошно от всего этого, – бросила она взгляд в сторону. – Я так надеялась, что все это кончилось!..

– Скорее мы кончимся, чем это, – буркнул Виктор, отпустив наконец Сонину руку.

Нича хотел было отчитать начинавшего уже откровенно его раздражать нытика, но подумал, что этим еще больше испортит Соне настроение. А потому бодро, даже, пожалуй, слегка преувеличенно, выдал:

– Все будет хорошо, вот увидите! Узнать бы только, куда мы попали, почему и зачем, тогда и как назад выбраться придумаем. А чтобы узнать – надо смотреть и анализировать.

– Чего тут смотреть-то? – спросил Витя. Не ехидно и не ворчливо – скорее, безнадежно-печально.

– Хотя бы то, что он нам хочет показать, – сказал Нича, кивнув на волка, который, вернувшись к отставшим путникам, напряженно-нетерпеливой позой призывал их идти дальше.

* * *

А дальше упомянутый Ничей примитивизм стал превращаться и вовсе в абстракцию. Не было уже вокруг никаких деревьев – ни настоящих, ни даже условных загогулин и черточек. Теперь мир перед тремя людьми и волком делился на светлый верх и темный низ. Причем низ с каждым шагом становился все менее однородным, напоминая, скорей, широкую реку в ледоход. Темно-серая, почти черная поверхность буквально расползалась под ногами на куски. Но не раскалывалась, как лед, а словно таяла, как сахар в горячем чае.

Нича наклонился и коснулся «льда» пальцами. Тот был совсем не холодным и будто слегка шероховатым, словно пемза или очень мелкая наждачка. Нича надавил посильней, и ладонь вдруг резко провалилась вглубь, отчего он едва не упал. Ощущение было неприятным, словно «лед» состоял из микроскопических живых частичек, которые суетливо расступились, избегая встречи с «пришельцем». Нича быстро выдернул руку и машинально вытер ладонь о джинсы.

Сначала серые «льдины» были достаточно большими, по ним можно было вполне безбоязненно шагать, однако вскоре они стали такими, что ступать уже приходилось со

«льдины» на «льдину», а то и прыгать, поскольку расстояние между кусками бывшей поверхности здешнего мира быстро увеличивалось, что с учетом уменьшения их размеров грозило привести к тому, что путники через короткое время попросту утонут. Если в том, в чем таяли «льдины», можно было утонуть. Поскольку то, что открывалось снизу, ничем не отличалось от того, что уже давно красовалось сверху. Небо. Одно сплошное белое, идиотское, невзаправдашнее небо!

И вот случилось то, что неминуемо должно было случиться, – не успел спрыгнуть с быстро таявшей «льдины» Виктор и с криком рухнул в белесое нечто или, скорее, ничто. Испуганно вскрикнула Соня, екнуло сердце у Ничи. Он даже на мгновение зажмурился, но, открыв через мгновение глаза, с удивлением обнаружил, что ничего с Виктором не случилось. Он как упал навзничь, так и лежал, раскинув руки и ноги, словно плыл на спине в теплом ласковом море, да изумленно хлопал глазами.

– Ничо так... – выдавил Нича и, наклонившись, протянул парню руку, чтобы вытащить его на свою «льдину». Но тут и она, стремительно подтаяв, разделилась надвое, и разлом прошел как раз под Ничиными ногами, так что и он оказался стоящим непосредственно в (или, может быть, на?) небесном псевдомолоке.

Испуганно глянув под ноги, Нича так и не смог определить, стоит ли он вообще на чем-либо или просто-напросто висит в некой белой – но в то же время прозрачной, поскольку он прекрасно видел и Виктора, и падающую со своей растаявшей «льдины» Соню – субстанции.

Нича хотел подойти к девушке – и не смог. Идти было попросту не по чему. Ноги месили пустоту, не приближая его ни на сантиметр к цели! Самое странное, что свой вес он при этом продолжал ощущать. А еще более странным было то, что он совершенно не испугался произошедшего. Может быть, потому, что, когда нет ничего – бояться нечего? Или сознание капитулировало перед непонятным и невозможным и послало все чувства куда подальше в связи с полной бессмысленностью и бесполезностью как-то реагировать на происходящее.

Впрочем, нет, кое-какие чувства остались. Например, любопытство. Не яркое, а примерно такое, когда смотришь средней увлекательности фильм – вроде бы ерунда, но в то же время интересно, чем же все это закончится.

А еще ему стало любопытно, куда подевался волк? И что это за дом, возле которого они, оказывается, прохлаждаются? Обычная, на первый взгляд, пятиэтажная «хрущевка»... Да и на второй и на третий – тоже. Пять этажей, шесть подъездов. На бетонном крыльце одного из них как раз и сидит пропавшая серая зверюга. И смотрит на людей с осуждением, словно на своих бестолковых капризных волчат. Даже порыкивает. А чего рычать, когда им идти не по чему? Хотя нет, снова откуда-то нанесло «льдин», по ним вполне можно допрыгать до волка. Другое дело, надо ли?

Нича оглянулся. Сзади вырастали, беззвучно сталкивались, таяли и снова появлялись темно-серые «льдины». Если прищуриться и посмотреть сквозь ресницы, казалось, что варится странная, с почти черной пеной, каша на молоке.

Ниче вариться в этой каше совсем не хотелось. Тем более дом впереди казался таким реальным и надежным. Даже несмотря на поджидающего волка. А что волк? Ну, волк и волк. Тоже настоящий. Не съел же он их до сих пор!..

Витя и Соня давно поднялись на ближайшие «льдины» и молча поглядывали то на дом, то на Ничу. Без слов было понятно, что остается делать. Нича тоже взобрался на одну из «льдин», оценил расположение темных островков между нею и подъездом с волком.

– Ничо так, – удовлетворенно кивнул он и, окинув взглядом притихших спутников, бодро мотнул головой: – Попрыгали!

Часть вторая «Хрущевка»

*Там и звуки и краски – не те,
Только мне выбирать не приходится —
Видно, нужен я там, в темноте, —
Ничего, распогодится!*

В.С. Высоцкий

1

Дом выглядел самым что ни на есть настоящим. Не нарисованным, жилым. На первый взгляд Ниче показалось, что это дом его родителей – тот самый, где прошло все его детство, юность и большая часть взрослой жизни. Даже подъезд, на крыльце которого сидел волк, был вторым, как у родителей. У Ничи вздрогнуло сердце: а вдруг?.. Но нет, все-таки нет. Дом только казался похожим на тот, как похожи друг на друга все однотипные дома.

Нича и Соня стояли на бетонном крыльце, Виктор – позади, на ступеньках. Нужно было открыть дверь и войти в подъезд, но никто почему-то этого не делал, словно каждый понимал, что за этой дверью скрывается нечто такое, что перечеркнет их представления о мироздании вообще и о роли в нем каждого из них в частности. Конечно, такими понятиями вряд ли кто в тот момент думал, но конкретно у Ничи ощущения были похожими.

Первым не выдержал волк. Он ткнулся холодным носом в Ничину ладонь, поймал его взгляд и выразительно посмотрел на дверную ручку. Нича вздохнул, набрал в грудь воздуха и потянул дверь на себя. Волк прошмыгнул в подъезд. Нича вспомнил, что волки обладают почти сверхъестественным чутьем и никогда не сунутся туда, где может таиться опасность. А раз так, то и...

Он шагнул в подъездный сумрак следом за зверем. За ним последовали и Соня с Виктором.

На первом этаже волка не было. И все-таки Нича подошел к одной из дверей и позвонил. Лишь когда за ней послышалась трель звонка, до него дошло, что этого «по правилам» не должно было случиться. Ведь дом стоял невесть где, отрезанный от всех коммуникаций, в том числе и от линий электропередач. Почему же зазвонил звонок? Или же этот дом был все же не тем, чем казался? Что в общем-то неудивительно. Какие уж тут могут быть правила, если они давно кончились! В тот самый момент, когда маршрутка номер шесть вылетела на встречную полосу, она вылетела заодно и из привычного мира, а там, где она очутилась вместе с четырьмя пассажирами, если и действовали какие-то правила, то уж точно не те, к которым они привыкли.

На звонок, впрочем, никто не ответил. Нича дернул дверную ручку – дверь оказалась запертой. То же самое он проделал с двумя другими дверьми – и с тем же самым результатом.

– Пойдемте! – послышалось сверху; Соня уже поднялась этажом выше. – По-моему, он нас куда-то зовет.

Кто «он» – было понятно. Конечно же, их странный серый спутник. Интересно, чего он от них хочет? Ведь сначала они думали, что зверь просит помощи, что кто-то – волчонок или другой член стаи – попал в капкан или свалился в яму. То, что волк привел их к этой одинокой «хрущевке», расположенной на самом краю сюрреалистичного мира, выглядело не менее загадочно и неправдоподобно, чем наличие здесь самого дома. Неужели сей

факт столь поразил дикого зверя, что он поспешил поделиться своим удивлением с людьми? Верилось в это плохо.

Как бы то ни было, путь оставался только один – наверх. Ничто не мешало, конечно, вернуться и к брошенному на шоссе микроавтобусу, но тот путь явно вел в тупик, Нича это хорошо понимал. А так оставалась еще хоть какая-то надежда. Пусть не на сиюминутное возвращение – о нем Нича старался думать пореже, чтобы не травить напрасно душу, – но хотя бы на то, что появится хоть крохотный лучик, который прольет капельку света на темные обстоятельства, в которых они очутились. Нича, а следом за ним и Виктор пошли наверх.

Соня дожидалась товарищей на пролете между вторым и третьим этажами.

– Здесь я уже проверила, – поспешно сказала она. – Пойдемте выше, волк уже два раза прибежал.

Волк ожидал их на пятом этаже. Он сидел на коврике возле дверей в квартиру номер тридцать пять. Когда люди поднялись на площадку, зверь встал и окинул их умным, холодным взглядом, задержавшись чуть дольше на Ниче, словно признавая в нем вожака. Разумеется, не своего, а той маленькой человеческой стаи, которую он втянул в это ведомое только ему одному дело.

Нича подошел к двери и потянулся к звонку. Но волк опередил его и толкнул дверь лапой. Та легко и беззвучно открылась. Зверь тут же нырнул в полумрак прихожей.

– Он нас не в ловушку завел? – озабоченно буркнул Виктор.

– Ага, волки решили отметить новоселье, а закуски не хватило, – криво усмехнулся Нича, но входить в квартиру не торопился.

Тогда это сделала Соня. Парни укоризненно переглянулись и поспешили следом за девушкой.

* * *

Квартира, как выяснилось чуть позже, оказалась трехкомнатной и ничем не отличалась от тысяч и тысяч других подобных «хором», в которых жили преимущественно люди среднего достатка. Впрочем, доход жителей «хрущоб» зачастую являлся и куда ниже среднего, но то, что квартира была все-таки трехкомнатной, наводило на мысль, что вряд ли ее содержание оказалось бы по карману одиноким пенсионерам или, например, матери-одиночке. Но квартира выглядела жилой, это не оставляло сомнений. На вешалке в прихожей висела пара курток и светлый плащ – скорее всего женский, насколько успел рассмотреть Нича, на полках ящика для обуви виднелось несколько пар кроссовок и туфель. Рядом с вешалкой к стене был приклеен скотчем календарь с фотографией котят, а на противоположной стене висело большое прямоугольное зеркало.

Нича подумал, стоит ли разуваться, прежде чем пройти в комнаты, но все же решил, что в данных обстоятельствах будет простительно этим пренебречь, тем более неизвестно, не придется ли им отсюда срочно ретироваться, когда обуваться будет попросту некогда.

Из прихожей вели двери в две смежные комнаты и проход на кухню, также отмеченный двумя дверями – в туалет и ванную. Одна из комнатных дверей была распахнута, но Нича пошел сначала на кухню по причине вполне прозаической – ему очень хотелось пить.

Кухня его тоже ничем не удивила, все в ней оказалось вполне стандартным: кухонный и обеденный столы, три табуретки, на стенах – шкафчики для посуды: один со стеклянными, второй со сплошными деревянными дверцами; в одном углу – мойка с раковиной из нержавеющей стали, обшитая снизу светло-коричневыми панелями; такие же панели, только светло-серого цвета, покрывали и стены кухни, за исключением угла над раковиной, облицованного плиткой с зеленоватым узором; в другом углу – большая трехконфорочная плита с застекленной

духовкой; в третьем – большой двухкамерный холодильник. К нему-то и направился Нича в надежде отыскать там что-нибудь, чем можно промочить горло.

Холодильник работал – стоило открыть дверцу, как внутри него зажглась лампочка. Содержимое тоже не подкачало – на верхней полке лежали упаковки с творогом, маслом и сыром, почти целый батон вареной колбасы, полиэтиленовый пакет с сосисками; на нижней стояла большая кастрюля, накрытая крышкой, наверняка с каким-нибудь супчиком, а то и с борщом, возле которой примостились пакеты со сметаной и молоком; в двух нижних ящиках, накрытых сверху стеклом, красовались головки лука, несколько огурцов и огромная помидорина, а также румяные яблоки и парочка оранжевых апельсинов. А на узких полочках поперек двери стояли бутылочки с кетчупом и соусом, две бутылки пива и – о, радость! – большая коробка фруктового сока.

Конечно, сейчас Нича с удовольствием выпил бы именно пива, но ему не хотелось в столь неопределенной ситуации даже слегка затуманивать голову. Мало ли, какие мгновенные решения ей придется выполнять в следующую, может быть, минуту.

Он вынул из холодильника коробку, достал из шкафчика три стакана, оглянулся на Соню и Виктора, которые уже стояли рядом, и, получив в ответ активные кивки, разлил по стаканам сок. Все трое выпили его столь быстро и жадно, что Нича, не спрашивая уже согласия, наполнил все три стакана повторно. И лишь выпив вторую порцию, вспомнил о волке. Тоже ведь, поди, пить хочет!

Нича достал из сушилки для посуды эмалированную миску, наполнил ее водой из-под крана (которая тоже, берясь неведомо из каких источников, вполне исправно текла) и поставил на пол возле мойки. Собрался позвать волка, но понял, что не знает, как это сделать.

– Надо бы ему имя какое-нибудь дать, что ли... – почесал он затылок.

– Шарик, – хмыкнул Витя.

– Сусанин, – улыбнулась Соня.

И тут на пороге кухни серой бесшумной тенью возник волк. Он, будто не замечая сховавшихся парня и девушку, уставился колючими льдинками глаз на Ничу и глухо, утробно, но вполне разборчиво рыкнул:

– Юрс.

* * *

Удивительно, но первой мыслью Ничи было: «Ничо так! Вот уж имечко!..», и лишь потом до него дошло, кто именно это сказал.

Соня ахнула и сжала ладонями щеки. Виктор открыл рот и попятился.

Волк же как ни в чем не бывало протрусил к миске и принялся жадно лакать воду.

– Я не ослышался?.. – тихо спросил Нича, бросив взгляд на Соню и Виктора.

Девушка, не отнимая от лица рук, замотала головой. Виктор ничего не ответил, похоже, он впал в ступор. Даже рот не закрыл.

Нича не знал, что и думать. Он вспомнил, что читал про «говорящих» собак и кошек, но, во-первых, не очень-то верил прочитанному, а во-вторых, речь там все-таки шла о домашних животных, которых специально дрессировали и натаскивали. Конечно, волк тоже мог оказаться дрессированным. Но... Нет, все равно произошедшее казалось дикостью. Ведь он не просто что-то сказал, он назвал свое имя как раз в тему, словно понимал, о чем они в тот момент говорили! Или, быть может, тот звук, что произнес зверь, был совершенно случайным – просто совпало так, что прозвучал он как раз в подходящий момент? Недаром это имя, точнее кличка, показалось ему несколько странным... Что ж, это можно проверить.

– Юрс!.. – осторожно позвал Нича.

Волк наострил уши, поднял от миски большелобую голову и оглянулся. В серых льдинках глаз читался вопрос.

– Н-нет... Ничего, извини, – пробормотал Нича, и волк вернулся к прерванному занятию. Напившись, он еще раз посмотрел на Ничу и, как показалось тому, усмехнулся. Затем, неспешно процокав когтями по линолеуму, вышел в прихожую и улегся, свернувшись калачиком, как большая собака.

– Что же теперь будет?... – отняв наконец от лица ладони, прошептала Соня, с опаской поглядывая в сторону прихожей.

– А что изменилось? – удивился Нича. – Ну, волк заговорил. Это, конечно, удивительно, фантастично, но что от этого поменялось в принципе? Разве все остальное, – взмахнул он руками, – менее фантастично? По-моему, все, что происходит с сегодняшнего утра, – сплошная фантасмагория, кошмарный сон!

– Сон... – тихо повторила девушка. – Я так хотела бы в это верить!.. Хотя... Мне кажется, что такое не должно никому сниться. Ведь это же все неправильно!..

– Кстати, о сне, – сказал Нича. – Никто еще спать не хочет? А то у меня часы стоят, я даже не знаю, сколько сейчас времени. А по этому недоразумению, – кивнул он на окно, за которым белело небо, – определить, который час, трудно.

– Не думаю, что уже очень поздно, – ответила Соня. – А спать мне совсем не хочется. Впрочем, я-то немножко вздремнула...

– Мне больше есть хочется, – признался Виктор, который, судя по этой фразе, отошел от шока.

– Я бы тоже не отказалась, – улыбнулась девушка.

– Тогда тебе и карты в руки, – кивнул Нича, услышав, как после слов о еде заурчал и его желудок. – В холодильнике есть колбаса, масло. Вроде бы и яйца я где-то там видел... Можешь яишенку забацать.

– Я разберусь, – радостно встрепенулась Соня. Видимо, заняться полезным делом показалось ей куда лучшим, чем ломать голову над неразрешимыми загадками.

– Я помогу! – тут же вскинулся Виктор.

Нича хотел было возразить, но быстро себя осадил. Соне и впрямь могла понадобиться помощь, да и не так страшно вдвоем. Все же от мысли, где они очутились, и в компании-то становится не по себе!..

Сам же он решил пройтись по квартире, обследовать комнаты. Хозяев он, само собой, найти не надеялся, но, подумал, хоть что-то, быть может, наведет на какую-нибудь мысль. В это тоже верилось мало, но бездействовать было еще хуже. А работу по кухне он не любил, потому и уступил место Виктору.

* * *

Первым делом Нича прошел в комнату, дверь которой была открытой. Юрс проводил его внимательным взглядом, но с места не двинулся, даже не поменял позы. Это придало Ниче уверенности, почему-то подумалось, что в случае возможной опасности волк бы пошел следом.

Комната не принесла ему никаких новых открытий. Она была столь же обычной, «среднестатистической», как и кухня. Диван, кресло, стол, три шкафа.

Диван с креслом – из одного комплекта, светло-коричневой, с крупными темными квадратами, обивки. По краям дивана и в кресле – тоже коричневые, но однотонные небольшие подушечки-думки, судя по всему, не входившие в комплект, а сшитые дополнительно. Это наводило на мысль, что среди хозяев квартиры была женщина. Об этом же говорили и

общий уют в комнате, и чистота-порядок, и цветы в керамических горшочках на подоконнике. Нича сразу вспомнил маму и вздохнул.

Стол был круглый, накрытый большой красной салфеткой. Посреди него стояла красивая настольная лампа. На столе лежала книга с закладкой посередине – «Пикник на обочине» братьев Стругацких. Нича уважительно дернул бровями – Стругацких он любил. И почему-то ему подумалось, что вряд ли такую книгу стала бы читать женщина. Исходя из столь сомнительной предпосылки, он тем не менее сделал вывод, что в квартире наверняка обитал и мужчина. А уж когда за стеклянными дверцами одного из шкафов он увидел курительную трубку, лежавшую в хрустальной пепельнице, убедился в том окончательно.

Еще один шкаф представлял собой нечто вроде секретера. Открыв дверцу, годившуюся теперь на роль столешницы, он увидел стопку разномастных бумаг – скорее всего неких договоров и счетов, пару потрепанных общих тетрадей, толстый блокнот-ежедневник, несколько стандартных фотоальбомов. Можно, конечно, было порыться в документах и узнать о хозяевах побольше, но Ниче стало неловко, словно он собрался подглядывать, а потому он быстро закрыл секретер и перевел взгляд на третий шкаф.

Тот представлял собой некий «мультимедийный центр». Средняя часть в нем была открытой, и в ней красовался большим плоским экраном телевизор. На полках ниже стояли видеомагнитофон и DVD-плеер. Над телевизором полки были закрыты дверцами. Нича подошел и открыл их. Там хранились видеокассеты и диски. Судя по тематике, интересы у хозяев были самыми разнообразными: детективы, триллеры, боевики, комедии – всего вперемешку. Но преобладала, пожалуй, все же фантастика. Что и неудивительно, судя по книге на столе, подумалось Ниче. Но среди видеокассет в отличие от дисков преобладали мультфильмы, что позволило Ниче сделать вывод: в семье есть подросток, как минимум один. Причем уже старшекласник. Мультики он смотрел в детстве, когда DVD еще не было. А теперь он из этого возраста вышел, и среди дисков есть только пара мультипликационных, да и те – японские аниме.

Короче говоря, проведенное Ничей обследование комнаты привело к единственному выводу: в квартире проживала обычная российская семья. Не богатая, но и не нищая. Среднестатистическая, как и сама квартира.

Впрочем, в ней имелись еще две комнаты. К закрытым дверям одной из них и направился Нича.

* * *

Он раскрыл дверь и вздрогнул. В комнате стоял живой человек! Женщина. Услышав за спиной звук, она обернулась. И тут... Ниче показалось, что стены наклонились, а пол уходит из-под ног... Перед ним была... его мама!.. В руках она держала знакомую оранжевую лейку, но, увидев Ничу, вскрикнула, взметнула к нему руки, и лейка, кувыркаясь и разбрызгивая воду, полетела в сторону.

Нича задохнулся, не в силах произнести ни звука, но в следующее мгновение он рванулся вперед. Внезапно перед ним мелькнула серая тень – волк, вытянув передние лапы, всей массой врезался в дверь, которая с грохотом захлопнулась перед Ничиным носом.

– Ты чего? Ты чего?! – завопил Нича. – Там же мама!..

Бесстрашно отпихнув ногой зверя, он схватился за дверную ручку и потянул ее на себя. Юрс хладнокровно смотрел на это, даже не думая вмешиваться. Тогда Нича распахнул дверь и шагнул за порог комнаты.

Ему вновь показалось, что пол под ногами качнулся. Но он быстро понял, что это ему вовсе не кажется. Пол на самом деле качался. Покачивались также и стены. И в том не было ничего удивительного, ведь Нича стоял... в тамбуре стучащего по рельсовым стыкам вагона!

– Ничо так... – пробормотал он и попятился к двери. Нашупал ручку, толкнул спиной дверь, но та и не думала открываться. Нича обернулся. Дверь больше не являлась выкрашенной белилами фанерой. Это была железная вагонная дверь с металлическими планками поперек стеклянного окна посередине. Через стекло, в метре от него, виднелась такая же дверь, ведущая в соседний вагон.

2

Геннадий Николаевич торопился домой. Все-таки он засиделся у Зои. У Кокошечки...

Да, как тесен, оказывается, мир! Хотя и звучит это избитое утверждение банально, но как же оно верно! Ведь он и думать забыл о Зое, а когда-то... Нет, ничего между ними не было и раньше, но он, что скрывать, был когда-то влюблен в эту хрупкую рыжеволосую девушку. Но тогда он был молод, робок и глуп. Никак не мог решиться пригласить Зою в кино, ресторан или куда там еще... А ведь она, похоже, этого от него ожидала. Будь он чуть-чуть посмелей, поактивней, и кто знает, как бы оно повернулось? Вот и Нича, похоже, весь в него. Правда, вокруг сына девки сами выются, это он все никак из них выбрать не может!..

А вот получись у него тогда с Зоей-Кокошечкой, был бы сейчас у него Нича? – подумалось вдруг. И следом пришло раздражение: «Что тебе надо, старый козел?! Чем ты еще недоволен? Тебе что, со своей Зоей плохо?!»

Словно в ответ на эти мысли, раздался телефонный звонок. Не сбавляя шага Геннадий Николаевич достал мобильник, поднес к уху.

– Я уже иду, Зоюшка! Через пять минут буду.

– Гена!.. Коля... Я видела Колю... – раздалось в ответ бормотание жены.

– Что?! – подпрыгнул Бессонов. – Что ты говоришь? Ты видела Ничу?! Где?!

– Здесь... Гена, иди скорей... Я не могу говорить, мне плохо...

– Сейчас-сейчас!!! – заорал в трубку Геннадий Николаевич. – Зоя, сейчас! Я уже рядом! Срочно ложись, я бегу!..

Он и правда побежал. Благо до дома оставалось метров триста. Тяжело отдуваясь, взлетел на третий этаж, трясущимися руками не сразу попал ключом в замочную скважину, распахнул дверь... Не разуваясь, бросился в комнату, подбежал к лежащей на диване жене, рухнул перед ней на колени, взял ее руки в ладони и поднес к губам, словно хотел согреть их дыханием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.